

Александр Афанасьев

ЗОВУЩИЕ К ОГНЮ

18+

СУДНЫЙ ДЕНЬ...
— ОН УЖЕ НА ПОРОГЕ!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Александр Афанасьев

Зовущие к огню

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68993335

SelfPub; 2023

Аннотация

Операция "Судный день"... Пожалуй, в этом искромётном боевике задействован самый неприглядный и нежелательный сценарий Судного дня – ядерное оружие в руках кровавых террористов. Спецслужбы всех стран поставлены на ноги, президенты совещаются со службами безопасности, разведки и спецназ поставлены под ружьё...

Содержание

Судный день. 21 сентября 202... г. США.	5
Стивенсон-экспресс. Чикаго-дистрикт. 55-я дорога	
Они воровали за Родину... 21 сентября 202... г.	22
Россия, Москва	
23 сентября 202... г. Чеченская республика.	35
Грозный	
25 сентября 202... г. Ростовская область,	47
Ростов-на-Дону	
Картинки из прошлого. 2011 год. Ближний	72
Восток	
2011 год. Амман, Иордания.	82
Империя под ударом. 21-23 сентября 202... г.	86
США. Вашингтон-Лэнгли.	
27 сентября 202... г. США. Северная Каролина	114
28 сентября 202... г. США. Кирьяс-Джоэль,	122
недалеко от Нью-Йорка.	
29 сентября 202... г. США Нью-Йорк	133
30 сентября 202... г. США Нью-Йорк. Федерал- плаза.	146
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Александр Афанасьев

Зовущие к огню

И Мы сделали их предводителями,

зовущими людей к адскому огню,

и в День воскресения не будет им помощи

Коран 28:41

Судный день. 21 сентября 202... г. США. Стивенсон-экспресс. Чикаго-дистрикт. 55-я дорога

Вода и весло. Свобода и зло

Что делать и кто виноват

Все это пройдет. Лети на восход

А я, так и быть, На закат...

«Машина времени»

Осень уже наступила. Тихая и прозрачная, с золотом листвы и приятной, тихой погодой, в меру теплой и в меру холодной. Индиан-саммер – так в этих краях называют это время года. Индейское лето...

Что же касается их, депьюти, помощников шерифа, то для них это означало лишь то, что в делах будет небольшая передышка. Обычно самый пик аварий приходится либо на лето, либо на зиму. Жара, или холод – вот люди и не в себе. Не следят за дорогой. А что происходит после этого... увы, они знали слишком хорошо...

Все произошло из-за этого урода Бутовски. Он вечно был при своих интересах... и каких-то делишках. Нет, по-крупному он не брал... да и что может взять патрульный, у которого только и есть, что дорога да тачка? Но ему вечно надо было по своим делам. То в какой-то магазин, то ждать како-

го-то парня. Хорошо еще, шеф Роббик весьма пофигистически смотрел на эти дела и почти никогда не просматривал записи с регистраторов. А то им бы конкретно влетело... им обоим.

Но сегодня этот хрен с горы превзошел сам себя.

Это был вообще не их район, на хрен, это был город и не их зона патрулирования. Но за рулем – сидел Бутовски, и ближе к обеду он попёрся сюда кое-кому кое-чего сказать. Больше ничего не объяснил. И вот теперь он там уже полчаса висает, а ему тут сиди, обтекай. Тем более что район у дороги – не самый лучший...

У них было так, что новичков всегда прикрепляют к опытному патрульному дабы поднабрался опыта перед тем, как отпускать в самостоятельное плавание. А он – считай новенький. Вот его и прикрепили к этому сукину сыну... вопрос только, какой опыт он тут получит, нахрен? Опыт пофигистического отношения к своим обязанностям?

Ноу коммент, как говорится.

Патрульный Тэд Джарретт откинулся на спинку сидения их патрульного Форда и закрыл глаза...

Воспоминания пришли почти сразу... горящий броневик, стук пуль о бронелисты, крики. Гребаный Кандагар, пропали он пропадом. Эти воспоминания являлись неожиданно... обычно, когда он подумает о чем-то плохом. Иногда ночью, как только он поругается с Карен... тогда он не мог спать всю ночь.

Наверное, им надо расходиться... Достаточно уже мучить друг друга. Он стал другим, с тех пор как вернулся отсюда... совсем не таким, как старый добрый Тэдди, капитан футбольной команды колледжа, за которого она выходила замуж. Тот парень был веселым, заводным, он мог выпить бутылку виски и не запьянеть, мог совершить три пробежки зараз... но все это в далеком прошлом. Кандагар перечеркнул все... он просто не знал, что и так могут жить люди. А самое главное – и так умирать. И как только узнаешь это... прежним ты уже не будешь. Никогда.

Невыносимая легкость бытия¹...

Он прочитал это в какой-то книжке. Это очень точно передавало его теперешнее настроение, его состояние и то, каким он сейчас был. Он просто не мог быть прежним. Не мог жарить барбекю, не мог ездить по выходным за покупками, не мог даже нормально заняться сексом с женой. Вся его прошлая жизнь осталась там, где-то далеко, в тумане прошлого – и он боялся оглянуться, чтобы не превратиться в камень...

Шеф Роббик все понимал. Потому и взял его без вопросов, хотя, наверное, психологические тесты он завалил. Шеф и сам был военным, морским пехотинцем, принимавшим участие в операции «Возвращение надежды» в Сомали. Оттуда он вернулся законченным расистом, но у него хватало ума облекать свои мысли в красивую и приемлемую упаковку. Поэтому он всегда пользовался успехом в своём окру-

---

¹ Милан Кундера.

ге, и за него голосовали... все-таки, здесь жили нормальные граждане, это был пригород громадного мегаполиса, второго в США по численности населения – и им было вовсе не всё равно, кто у них шериф. Роббик был расистом и крайне нетерпимым человеком, но в его районе был порядок, а банды из дурных районов предпочитали сюда не соваться. Это было всё, что нужно жителям округа от их шерифа, ни больше – ни меньше...

Бутовски тоже, кстати, воевал, вместе с шефом. Потому, наверное, шеф его и прикрывает, в память о старой дружбе. В конце концов, все они солдаты. Правда, солдаты бывают разные. Этому засранцу давно бы пора навалить...

За дом почти выплачено. Марго уже взрослая, она все поймёт. Роб... да, с ним будут проблемы. Он в том возрасте, когда всё воспринимаешь очень остро... Какого черта, он сам таким был и помнил, что творил, когда разошлись родители. За малым в тюрьму не попал. Он поклялся... что сам не натворит таких глупостей, как его старик... Поклялся перед отцом Тимом, который и вытащил его из неприятностей. Знал бы он тогда...

Черт...

Неделю назад он сделал то, что никогда бы не сделал раньше. Поехал в город, в каком-то баре снял проститутку. Это не было изменой... Он и сам не мог понять, что это такое. Может... он пытался понять, почему с Карен ничего не получается? Но когда они приступили к делу... точнее, это она

приступила к делу – ему стало так противно, что он выкинул ее из машины. Вспомнился ее крик – «Импотент гребаный...»

Да. Он импотент гребаный. И с этим надо что-то делать. План А – развод. План Б – купить Виагру. Бр-р-р... бред какой.

Звук срочного вызова по рации вернул его в реальный мир – он был солдатом и в Афганистане научился спать в любое время суток, всякий раз, как только выдается возможность, но свой позывной мог различить даже во сне.

«2-17» – теперь его позывной.

Он схватил рацию

– Два – семнадцать на связи...

– Два – семнадцать, это Центральная. Где вы, сообщите свое местонахождение?

Необходимость врать обожгла короткой вспышкой стыда.

– Центральная... мы заехали перекусить... у Тако, на шоссе. Все в норме.

– Два – семнадцать, возвращайтесь в свой район. Миссис Белли опять видела бродягу, надо успокоить ее...

Это тоже было вранье. Так Джина сообщала, что шеф может заехать в их район. Она была доброй девчонкой, и всегда помогала замотанным деп്യюти, чем могла. Жизнь – штука несправедливая, поэтому приличного парня у нее до сих пор не было... при весе под сто пятьдесят фунтов, найти парня бывает непросто. А миссис Белли действительно часто

звонила... мистер Белли умер недавно, и она, по-видимому, страдала от одиночества. Прошлый раз, когда они приехали – она дала им по куску вишневого пирога на дорогу.

– Центральная, понял, мы едем... – Джаррет кашлянул. – Э... спасибо.

– Будешь должен.

Связь отключилась...

Патрульный еще раз выругался про себя, потом выбрался из машины, поправил тяжелый пояс. Пистолет – он носил Глок-21 и всегда досылал патрон в патронник, еще Тейзер, пара наручников, которые тяжелые, гремят и однозначно хуже одноразовых, которыми они пользовались в Эй-стане. Перцовый баллончик, дубинка, рация, еще небольшой застегивающийся кармашек с ключами от дома и от машины. Всё, что надо полицейскому, – всегда при нем.

Прикинув, он не стал запирать машину. Все равно – отойдет он недалеко, машина будет в поле видимости – и не может же быть, чтобы угнали полицейскую, верно?

Хотя по нынешним временам возможно всё...

Он прошел по небольшой, посыпанной гравием дорожке к номеру мотеля который занимал его напарник, постучал, прислушался. Судя по звукам... понятно, что там происходило.

Он постучал громче, ногой.

– Стен! Заканчивай, нахрен, пора на работу.

Сначала он подумал, что послание не достигло адресата и

хотел постучать еще – но тут открылась дверь, и появился сам виновник торжества. Он не потрудился даже надеть трусы... весил он ровно вдвое больше своего напарника, и Тэд иногда думал: неужели к его годам он тоже таким будет. А что? Все возможно. Патрульный полицейский питается, чем попало, всякой общепитовской дрянью, пьет галлонами кофе и прохладительные напитки с большим количеством сахара... Вот, результат налицо. Точнее – на лице и остальных частях тела.

– Какого хрена?..

– Надевай штаны, придурок! – неожиданно сам для себя грубо сказал Тэд. – Шеф едет проверять посты.

Бутовски моргнул.

– Ага. Щас иду.

Перед тем, как дверь закрылась, Джаррет увидел женщину. Молодая... лет двадцать – двадцать пять. Рыжая. Приехала в большой город из провинции... а большой город безжалостен. И покатила по наклонной.

Впрочем, не ему ее судить. И тем более спасать. После Афганистана он знает, уяснил – мир уже не спасти. И потому – ему просто надо быть на своем рабочем месте...

Они еще раз посмотрел на небо. Чистое, почти без единого облачка. И солнце такое ласковое. Как тогда... двадцать лет назад, когда всё покатило под откос. Это было так давно, что он даже не помнил, что делал в тот день, убивший несколько тысяч и непоправимо искалечивший судьбы мил-

лионов. Он и в самом деле не помнил.

Бутовски появился – жирный, довольный собой. Прорысил к машине, бросил ключи напарнику.

– Поехали, чего стоишь? Ты веди...

Джаррет сел за руль...

– Эта крошка... – Бутовски, как всегда, не мог держать в себе, он всегда чем-то хвастался, как он завалил оленя, кого-то трахнул, отремонтировал лодку, – настоящий огонь. Танцует в стриптизе, настоящая куколка-секси. Она немного залетела, и я пообещал, что поговорю с ее офицером по пробации...

Джаррет не отвечал.

– Эй! Земля вызывает два-семнадцать. Как вы там, парни...

– Спасибо, хреново... – буркнул Джаррет.

– Тебе надо расслабиться, парень. Воспринимать жизнь проще, окей? Не ждать от нее ничего особенного и просто брать то, что она тебе предлагает. Посмотри, какой хороший денек, а? У нас есть работа, а это по нынешним временам само по себе уже хорошо. Ты, кстати, своей благоверной изменяешь, а?

– Нет, – процедил Джаррет сквозь зубы.

– И дурак, – убежденно сказал Бутовски – так у тебя крыша поедет, на пару с твоей миссис. Вот посмотри на меня. Ты думаешь, Гейл не знает, что я иногда хожу налево? Да все она знает. Просто я не приношу свои проблемы домой.

И она это ценит.

– Стен...

– А?

– Тебе никто не говорил сегодня, что ты свинья?

Бутовски не обиделся. Он вообще был толстокожим.

– Нет. А скажут – и хрен с ними, – он довольно щелкнул пальцами по животу – зато, скажу тебе, я – чертовски довольная свинья. И тебе надо стать свиньей. Так жить проще.

– Будь любезен... Просто заткнись.

– Окей... – Стен Бутовски еще раз довольно похлопал по животу, и вдруг крикнул: – На дорогу, б... смотри!

Американские дороги, по крайней мере, дороги федерального значения, устроены так, что лобовое столкновение на них практически невозможно, полосы встречного движения разделяет либо широкий газон, либо полоса отбойников. Но бывают места, – на выходе с развязок, на съездах и выездах, – где бывает действительно опасно, особенно если за рулем идиот на минимальной зарплате, или маменькин сынок на папенькиной машине с подружкой. Но это был не гребаный маменькин сынок, это был трак, причем довольно большой, пусть и без прицепа – и они чуть не врезались в него. Но Джарретт все еще продолжал оставаться солдатом, причем солдатом, прошедшим через ад, и реакция у него была соответствующей – он увернулся. Увернулся и трак – правда, не так уверенно, он боком задел небольшой Ниссан, задев по касательной. А потом – продолжил движение.

– Твою ж мать! – выверился Бутовски – Посади молоко-сосу за руль! Смотри на дорогу!

Вместо ответа Джаррет лихо, почти на месте развернул тяжелую полицейскую машину, включил мигалку.

– Ты что делаешь, твою мать?

– Этот парень совершил ДТП и не остановился.

– Ты охренел?! Ты сам стал причиной ДТП! Валим отсюда, пока в неприятности не вляпались.

– Его надо остановить.

– Б... ушам своим не верю! Это не наш гребаный округ²!

– От этого мы не перестаем быть полицейскими. Этот парень опасен на дороге, он задел другую машину и не заметил этого.

– Поверить не могу, что ты такой идиот... Давай, просто уедем отсюда...

– Заткнись...

Джаррет обогнал машину и включил мигалку и сирену. К его удивлению – трак сразу начал тормозить...

– Ну, б..., п...ц – не унимался Бутовски.

Джаррет осторожно припарковал свой «дорожный крейсер» за траком. Что-то ему не нравилось.., как тогда, когда они вышли прикрывать афганскую полицию, и ничего не предвещало беды – кто ж мог знать, что в той деревне в этот день – шура амиров Талибана со всей провинции...

---

² В США страна разделена на округа – для голосования, школьные, полицейские, причем иногда их границы совпадают, а иногда нет.

– Прикрой меня.

Джаррет выбрался из машины. Его пистолет был в открытой пластиковой кобуре, и он чуть ослабил крепежный винт, чтобы легко выхватить оружие при необходимости. Раньше – полицейские имели в качестве главного калибра Винчестер или Ремингтон двенадцатого калибра. Сейчас были другие времена – поэтому, вместо Ремингтона у них была Сайга-12, модная и опасная полуавтоматическая штукovina на основе автомата Калашникова, а в багажнике – лежал еще карабин Рок Ривер Армс модели DEA. Но, несмотря на то, что чуйка подавала сигналы тревоги – он не мог просто так взять тяжелое оружие. Потому что это не Афганистан, мать твою! Это Америка.

Он пошел к водительской кабине, примечая все на своем пути. Ничего необычного, номер явно не поддельный. Угон... и нахрена угонять трак, это не легковушка же? Кузов, судя по осадке машины – полон, возможно, даже с перегрузом – но сейчас все так делают, иначе не будет клиентов. Водитель не проявляет агрессии, ведет себя, как и должен вести водитель, если его остановил полицейский. В США – если тебя остановили, водитель должен оставаться в машине и держать руки на виду, пока полицейский не прикажет выйти из машины. Правда, у трака высокая кабина и что там – почти не видно.

Пока все в норме.

Он постучал по кабине, давая понять, что нужно открыть

дверь. Водитель открыл.

– Здравствуйте.

Белый. Говорит без акцента, на вид лет тридцать пять. Загорелый, типично кавказская³ внешность. По виду не из тех, что числятся в розыске. Одет, как и должен быть одет водитель трака. Простая, грубая и немаркая рабочая одежда. Может, везет мигрантов или наркотики? Да ну, с чего – тем более что мексиканская граница далеко.

– Проверка документов, сэр.

...

– Пожа...

И тут его как обожгло. Гребаная борода! Водитель – сбрил бороду! Верхняя половина лица темнее из-за загара и кожа грубее – такое бывает, если человек долго носил бороду, а потом сбрил ее. А это – признак очень больших неприятностей.

– Выйдите из машины!

Рука полицейского упала на Глок – а в руке водителя, словно ниоткуда – появилась армейская Беретта. Джаррет, падая – трижды выстрелил по кабине, в ответ грохнул одиночный выстрел – и тут же, где-то на дороге, совсем рядом – застрочил автомат Калашникова, звук, который он не раз слышал в ночных кошмарах. Он сделал еще два выстрела – но вряд ли попал, слишком неудачный был угол. Водитель

---

³ в США белые люди определяются как «кавказский тип». То есть все белые, получается, – лица кавказской национальности (прим. автора).

решил не рисковать и не вступать в перестрелку; вместо этого он тронул машину с места. Огромные колеса трака – прошли рядом с полицейским, но не задели его. Обдав сизым дымом дизельного выхлопа – трак пошел в сторону города, по пятьдесят пятому.

С визгом тормозили машины. Он не видел, что произошло с их Фордом, потому что трак полностью перекрывал ему поле зрения и прикрывал его от пуль с дороги. Сейчас его взору предстал изрешеченный пулями полицейский крейсер, дымящийся моторный отсек и разбитое вдребезги стекло – ублюдки высадили весь магазин. Что касается Стена Бутовски – тут и говорить было нечего. По крайней мере, он умер счастливым.

Вскочив, он бросился к машине. Рация! Повреждена – пуля попала прямо в нее, искрит. Их ружье тоже повреждено. Выругавшись, он ударил по кнопке, открывающей багажник, бросился к нему. Их винтовка была на месте – модификации «специально для Агентства по борьбе с наркотиками», с хорошим коллиматором Эймпойнт и фонарем – округ был богатый, и шеф не скупился. В винтовке – было два магазина на капплере и еще четыре – в простом, но легком, удобном и быстронадеваемом поясе. Он накинул пояс на себя через голову – мотается, но хрен с ним, нормально наденет потом. Снял винтовку с предохранителя, бросился к остановившимся машинам. Люди завизжали, несмотря на то, что он был в форме. Можно было понять... не каждый день ста-

новишься свидетелем чего-то, чему место скорее на экране кинотеатра.

– Полиция... я забираю машину!

Машина, которую он добыл – была Инфинити. Отличная тачка с мощным мотором под 300 лошадей. Развернув ее, он погнал машину в центр города, карабин мешался и он бросил его на пассажирское сидение.

Смотря на дорогу одним глазом и обходя одну машину за другой – он достал телефон, почти наощупь натыкал номер.

– Привет...

– Джина, это я, – сказал он без лишних приветствий – Стен убит. Они расстреляли его.

– Что?! Ты в порядке?

– Времени нет, слушай меня. Посмотри книгу экстренных номеров. Там должен быть номер Министерства безопасности Родины, ФБР... кого угодно. Скажи им – у нас чрезвычайная ситуация, угроза красного уровня. Мусульманский ублюдок ведет груженный чем-то трак в сторону города по 55-й. Он пытался меня убить и его кто-то прикрывает. У них есть автомат, и они убили Стена. Мы уже прошли пересечение со сто двадцатой...

– Я скажу шефу...

– Черт, нет времени! Просто вызови гребаное ФБР! – сорвался он.

– Я поняла...

Твою мать...

Он бросил телефон рядом с автоматом, на соседнее сиденье, и попытался сосредоточиться на вождении, превышая скорость на 40-50 миль от разрешенной. Но трака больше видно не было – а те ублюдки в какой-то машине... он и краем глаза не видел, в какой именно. Они могли быть рядом, и он об этом не знал. Получается, они сразу ушли с дороги и он их потерял.

Ублюдки...

Он заметил большую закусочную и свернул с хайвея сам. В этот момент – зазвонил телефон, он схватил трубку.

– Джина, я...

– Специальный агент Стефенсон, ФБР. С кем я говорю.

Окей... Хотя что-то нормальное.

– Сэр, сейчас я припаркуюсь. Я... Тэд Джаррет деп്യюти из округа Кук. Сэр, в городе мусульманские террористы, надо...

– Минуточку, все по порядку. Что произошло, как ты узнал об этом, парень? Докладывай по порядку. Ты армейский?

– Нет, сэр. Морская пехота, 26-е соединение.

– Вот и отлично. Я работал в Баграме в составе межведомственной группы. Конкретно – что произошло?

– Сэр, мы остановили подозрительный трак на 55-й, он шел в сторону города. При попытке проверить документы я увидел, что у водителя нижняя часть лица светлее, чем верхняя, и кожа не такая грубая... так бывает, когда человек

сбрил бороду, которую долго носил. Не надо вам объяснять, что это значит.

– Да уж. Не надо. Ты видел его документы?

– Нет, сэр. Но я помню машину. 2-5-5 Лима-Зулу-Джультета. Белый Питербилт, тяжелый, на трех осях. Кузов – обычный фургон, никакой рекламы. На вид – новый, как только что купили. Никаких повреждений, если не считать пулевых на кабине. Дверь со стороны водителя. Я выстрелил, но вряд ли попал по водителю.

– Окей, парень принято. Ты – молодец, теперь опиши водителя.

– Кавказский тип от 30 до 35. Среднего роста, насколько я понял, видя его в кабине. Полноватый. Обычная стрижка, говорит без акцента, чисто. Обычный американский тип, таких полно, сэр. Он явно не оттуда, я бы это почувствовал. Обычное лицо... только подбородок и щеки... кожа немного светлее и мягче. Я попытался задержать его, но он открыл огонь...

Где-то справа и впереди – полыхнул огонь... точнее даже не огонь. Это была вспышка чистого света, рентгеновски яркого, настолько яркого, что она была ярче, чем солнце. Она высветила дома, стоянку, машины... свет был таким режущим, что если закрыть лицо руками – его все равно было видно. Моментаально отключилось все... двигатель заглох и телефон отключился...

– Твою же мать... – выкрикнул Тодд Джаррет, видя, как

пухнет ком огня и как стремительно надвигается невидимая лавина ударной волны, пожирая все на своем пути...

А потом не было ничего.

Они воровали за Родину... 21 сентября 202... г. Россия, Москва

Кто рвется вперед, тот первый умрет,
пусть даже минует мину -

Идущий за ним злорадно сопит
и пулю в затылок шлет.

Он тоже падет – всему свой черёд —
сраженный ударом в спину,

И будет забыт, как тот, кто убит,
как тот, кто его убьёт.

Юрий Нестеренко

Меня атомный взрыв в Чикаго застал на своем рабочем месте, в центре Москвы. И узнал я о нем, наверное в числе первых. Просто у меня есть брокерские счета, и я понемногу поигрываю на рынке. Неплохо, надо сказать поигрываю. С хорошей доходностью.

У меня было совещание – и вдруг начал дёргаться мобильный. У меня на нем «Квик» настроен, программа для торгов и еще кое-что – в случае резких движений на рынке смартфон автоматически дает знать, посылает СМС и начинает

дергаться. А тут он начал дергаться и звонить непрерывно.

Я открыл программу и буквально в режиме реального времени увидел, как пустеют стаканы снизу, а сверху заявок становится все больше и больше⁴. Задергался доллар, пошел прямой линией вверх, потом дернулся вниз, потом опять вверх. Точно так же, одной отвесной чертой шли вниз все бумаги. У меня в деньгах было, от дивидендов, да и просто некоторые позиции я прикрыл до этого – так что кое-каких первоклассных бумаг я успел купить на panic sell. Потом остановили торги – сразу по всему рынку.

Я прервал совещание, вышел в свой кабинет, сунулся на новостную ленту. И узнал, что в Чикаго произошел атомный взрыв...

...

– Послушай меня...

...

– Вика, послушай...

...!!!

– Б... заткнись и послушай меня! Сейчас же взяла, с..а, машину, забрала Лешку из школы и марш, б... к родителям. Там пересидите пока. Ты что, б..., радио не слушаешь?! Америку взорвали!

...

– Каком кверху! Бери Лешку в охапку и уматывайте из

---

⁴ Биржевой термин. Он означает, что заявок на покупку, которые расположены внизу – все меньше, а заявок на продажу – все больше и больше.

города сейчас же! Прямо сейчас! Бегом, б...!

...

– Нет, не на самолете, рейсы наверняка отменят или еще что-то может случиться. Не надо на Бали, не надо. Езжай в Вологду к родителям, там пересидишь.

...

– Нет, я тут останусь.

...

– По кочану! Потому что надо. Времени нет, бери машину, и езжай. Перезвоню. Все, давай.

Ну, вот. Поговорил с женой, называется. Или бывшей женой. А может и не бывшей. Не знаю я. И что делать, не знаю.

И что будет – тоже не знаю.

В голове одно – доигрались. Допрыгались. Доехали, доплюхали. Атомный взрыв в городе – это не игрушки уже, это полномасштабная война. Сейчас – тем более, когда всё и так на волоске висит.

США, Китай, Россия... У всех свои интересы, у всех свои противоречия. Но в какой-то момент стало понятно, что всех, абсолютно всех – не устраивает то, что есть сейчас. Даже американцы считают, что в современной модели мира их обделили, что они слишком много делают для этого мира и слишком мало получают взамен. Китайцы хотят стать первыми. Что касается нас, то наша доктрина очевидна: распад СССР был крупнейшей геополитической катастрофой XX века. Я не знаю, чего в нашей сегодняшней позиции больше

– желания восстановить Россию, как сверхдержаву, или желания отомстить за обман и пренебрежение, которые были – и то и другое. Наверное, всего понемногу. Но правда в том, что если тянуть в разные стороны – то оно рано или поздно порвется.

Оно и порвалось.

Будет как в четырнадцатом. 1914-м. Никто не захочет уступать... никто не захочет отступать. Сейчас уже не 2001 год, и если тогда перед американцами все почтительно склонили выи, то сейчас этого не будет. И понесётся.

– Виктор Александрович.

Я не обернулся. Даша подошла ближе.

– Все ушли.

– Хорошо...

Она подошла еще ближе.

– Витя... это правда, да?

– Ну раз пишут, значит, так и есть.

– И что будет... Война?

Да... это страшное слово «война», от которого мы уже отвыкли. А ведь будет... наверное.

– Наверное.

Решившись, я подошел к столу, достал ключи от новой дачи, несколько банковских пачек долларов.

– Езжай по Новой Риге. 89-й километр. Поселок Старая Англия, 23-ий дом. Запрись и жди меня там.

– А ты?

– Капитан покидает корабль последним. Или не покидает его вовсе. Всё... – я начал злиться. – Езжай, пока...

И тут зазвонил телефон

...

Прямо у самой МКАД, в лесном массиве – есть принадлежащий сейчас ФСБ объект АБЦ. Переводится как Архивно-библиотечный центр. Строили его еще при СССР, как архив спецслужб, как элитную гостиницу для своих, и как место для работы с перебежчиками. Здесь же – собирались заговорщики из ГКЧП, чтобы проговорить свои дальнейшие планы – и кончилось это, как мы знаем – плохо. И для них и для страны.

Сейчас АБЦ частично отдан под серверы, частично не работает. Так, используется время от времени, если надо обратиться в узком кругу. Самое ценное тут – лес и ландшафтный дизайн, в который вгрохали огромные усилия и деньги. Само здание – мрачное, унылое, по сегодняшним меркам уродливое и не слишком большое. У некоторых из нас виллы больше. Обстановка тут тоже была – из 90-ых, если не из 80-х. Как машина времени...

Добираться сюда было удобно – я подъехал через полчаса, заметив на улицах какое-то нервное движение – но эвакуацию Москвы еще не объявляли. Президент, наверное, уже не в Кремле, а летит на Урал, где находится бункер и запасной командный центр, а министр обороны – в Подмосковье, в бункере, построенном на 100-метровой глубине. Его со-

всем недавно открыли, по сравнению с брежневским, старым – монстр. Никакая боеголовка, даже проникающая – и близко не возьмет. Там залито пять метров железобетона, и проложено листами легированной стали и свинца.

А здесь был Чикишев, Виктор Фридрихович, генерал-полковник, сейчас замминистра обороны. Но он всегда был разведчиком. Для меня он... ну как ротный, хотя у нас это слово значения не имеет. Он меня поднял. Еще тогда, в первой Чечне выделил – он был из центрального аппарата, а я – молодой республиканский опер, кинутый на амбразуру. Он меня заметил, приблизил. Дал заработать первые деньги. Перевел в Москву. Тянул наверх каждый раз, как делал шаг сам. Благодаря ему я стал генералом, благодаря ему я стал богатым человеком. Всё благодаря ему.

Сейчас он сидел в беседке и смотрел на лес. На дорожке стояла охрана, но увидев меня не шевельнулись даже. Не первый год работают, и знают – кого можно к шефу допускать без вопросов и без допросов.

– Виктор Фридрихович...

– Присядь.

Я сделал, как было сказано. Чикишев смотрел на лес, потом глухо, неприязненно буркнул:

– Доигрались... – И добавил: – Мы с тобой

Я ничего не понял, но продолжал слушать.

– Тебе не звонили еще?

– Вы первый, Виктор Фридрихович...

– Значит, позвонят. Вот, посмотри, что прислали. С...и.

Я взял смартфон – защищенный кстати – и включил ролик.

Черный флаг. Люди с автоматами. Какие-то ящики. Амир – его лицо открыто, молодое, с редкой, короткой бородёнкой.

Век бы не видеть... как мне это все надоело...

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного, Господа миров, того, кого Аллах направил, того никто не собьет, а того, кого Аллах сбил, того никто не направит. Я Аюб аль-Шишани, раб Аллаха, выполняя волю Аллаха Всевышнего, гласящую «Когда же завершатся запретные месяцы, то убивайте многобожников, где бы вы их ни обнаружили, берите их в плен, осаждайте их и устраивайте для них любую засаду» объявляю джихад двум главным рабам Ислама – амрикани и русистам. На этом пути – я уже уничтожил город амрикани. Тем самым я действовал во имя Аллаха и жестоко отомстил за все страдания и притеснения, какие причинялись мусульманам этим народом.

Я подтверждаю тавбу праведному Халифу Исламского государства Абу Бакру аль-Багдади и заявляю, что действую только по воле Аллаха, выраженной словами и делами Халифа. Я являюсь воином Аллаха и намерен идти до конца.

Говорят, что Исламское государство потерпело крах, но это миф. Мы и есть Исламское государство. Исходя из

установлений Корана, гласящего "Я послан с мечом до самого судного дня пока не будет покинуты все ширки и не установится поклонение только Аллаху" – мы объявляем тотальный джихад всем многобожникам, безбожникам, лицемерам и угнетателям, на священной земле Османской Империи и будем вести его до того, пока не свергнем куффарскую власть, и не установим шариат Аллаха на каждом клочке этой земли.

О, русские! О американцы! Я даю вам ровно две недели на то чтобы освободить все земли, которые по праву принадлежат мусульманам от своего присутствия. А если вы этого не сделаете, ваша земля сгорит в огне. И миллионы матерей будут оплакивать своих сыновей и дочерей, а миллионы мужей – свои семьи, и так будет только потому, что вы преступали и преступаете.

А если вы думаете, что ваши армии, и ваши соглядатаи остановят меня, я напомню вам что написано в суре 89. А в ней написано: «Во имя Аллаха, Всемилостивого и Милосердного! Клянусь зарею, клянусь десятью ночами, клянусь и четом и нечетом, клянусь ночью на ее исходе! Неужели этих клятв не достаточно для мужа разумного? Неужели ты не думал о том, как поступил твой Господь с народом 'Ада? С народом Ирама, воздвигшим величавые строения, подобных которым не было создано в какой-либо стране?. С самудитами, которые высекали в скалах ущелья свои жилища? С Фир'ауном могущественным? С теми, которые преступали

дозволенное в различных странах и приумножали в них нечестие? Тогда твой Господь обрушил на них тяжкую плеть наказания. Воистину, твой Господь – словно в засаде».

Мы предупредили и вас. Каждый угнетатель умрет. Каждый, кто не следует шарияту, тоже умрет.

Аллаху Акбар! Аллаху Акбар!

Запись остановилась.

– Когда это пришло? – спросил я

– Пять часов назад.

Здорово.

«П...ц нечаянно нагрянет, когда его совсем не ждешь. И каждый вечер сразу станет удивительно хорош. И ты поешь...»

Запоешь тут, когда яйца дверью прищемили.

– Установили?

– Да. Аюб Оздоев.

Мне показалось, что я начинаю падать... падаю куда-то. Что под ногами больше нет пола.

– Оздоев?

– Он самый – тяжело сказал Чикишев – теперь понимаешь, почему я тебя сюда вызвал?

...

– Если американцы узнают – всем п...ц.

– А если у нас узнают?

Чикишев не ответил.

А если у нас узнают – тоже по голове не погладят. Потому

что «бригадный генерал» армии республики Ичкерия Адам Оздоев – официально погиб в результате успешной спецоперации. За которую и у меня и у того с кем я разговариваю – есть боевые награды. Фактически же...

С..а.

– Он ему кто?

– Как я понял, сын. От второй жены.

Я примерно прикинул – да, по возрасту подходит.

– Он что, о...л?

– Это ты у него спросишь.

– Я?!

– Ты, ты. Ты ведь его вёл.

Ах ты, тварь...

Б...

Система во всем ее величии. Твоя победа, это моя победа, а твои проблемы, это твои проблемы.

Так и никак иначе. Хотя ни кто иной, как генерал-полковник Чикишев, тогда еще простой капитан, прикомандированный к штабу группировки – договаривался с Адамом Оздоевым о том, сколько будет стоить его смерть. Я даже знаю сумму, которую заплатил Оздоев за свою смерть. Два миллиона долларов...

Смерть... это только для лохов – конец всего и вся. Для таких, как Оздоев, – это новое начало. Погиб – и тебя разом перестают искать, исключают из всех списков, можно начинать новую жизнь. Ехать в Турцию, в Дубай. К семье, к де-

тям, к деньгам наворованным, нацареванным на горе и на крови. С..а.

Оздоев купил свою смерть. Я до сих пор помню, сколько Чикишев дал мне. Тысячу долларов США. За то, что я был одним из тех, кто стрелял, а потом вывез Оздоева на точку, где его подобрала машина – это был Хасавюрт. Но теперь эта с..а – намекает, что это я все устроил. Хотя я получил всего штуку. А Чикишев – оставшиеся 1999000 долларов США. Понятно, что и он себе мало что оставил, почти все отправил наверх...

Думаете, я от вас сочувствия жду? Да нет. Я на него права не имею. По совести – нас всех, Чикишева, меня, еще многих – надо расстрелять. По совокупности того, что мы сделали. Я вот только не пойму, как я вляпался в это за тысячу долларов. Ведь американцы – не мы, если узнают, что мы такое делали, вычеркивали за деньги террористов из списков – п...ц. Да и если в Кремле узнают – тоже п...ц.

А Чикишев – в своем уме. И в своем праве. Он мой начальник и тогда, и сейчас. С той тысячи долларов началось мое падение, это были первые деньги, которые я взял. Тогда тысяча долларов была большими деньгами, особенно для нищего капитана. Во время 2-ой кампании я брал уже сотни тысяч и миллионы.

Потом тот же Чикишев вывел меня в действующий резерв, устроил в Газпром на зарплату с шестью нулями. Но за всё надо платить. Одно из правил системы – начальник

за тебя свою ж... никогда не подставит. Его проблемы – это твои проблемы. И твои проблемы – это твои проблемы.

– Как же это случилось? – сказал я, пытаюсь потянуть время.

– Как-как, какая разница? Проблему надо решать. Пиндосы или установили Оздоева или вот-вот установят. Надо их опередить.

Так и есть...

– С сегодняшнего дня ты отозван из действующего резерва. Официально до тебя завтра доведут, но я тебе сказал. Вылетишь в Дубай, Оздоев там.

– Который? – перебил я.

– Старший. По крайней мере, я слышал, что он там, координаты я дам. Надо узнать, где младший? И решить проблему, пока американцы до него не добрались.

Н-да... самое главное – не то, что нам угрожают атомным оружием, а то, что если Оздоева возьмут, то он может рассказать про эти два лимона.

– В Дубае проблему не решить.

– Решишь. Я позвоню... короче, тебе будет придана группа. Спецы.

– Боширов и Петров?

– Не хами! Проблему Оздоева надо решить. И старшего и младшего.

Я покачал головой.

– Что?

– Так нельзя.

– Как это понимать?

– Понимать так, что так нельзя. Мы не найдем так Оздоева. Только проблем на загривок себе огребём.

Я в этот момент совершал по аппаратным меркам преступление. Перечил начальнику. Но сейчас мы все были в одной лодке.

Подельники.

И Чикишев это хорошо понимал.

– Что предлагаешь? – он снова отвернулся к лесу.

– Лететь не в Дубай, а в Грозный. Проблему Оздоевых должны решить сами чеченцы. Если его уберем мы – этого не забудут.

Чикишев подумал. Потом недовольно спросил.

– А им это зачем?

– А затем, что они с нами в одной лодке. Они подписались.

И действия Оздоева – бьют по ним не меньше, чем по нам. – Я помолчал и добавил: – А чтобы было убедительнее, Виктор Фридрихович, надо кое-что сделать...

23 сентября 202... г. Чеченская республика. Грозный

Наверное, вы уже поняли, кто я. И, наверное, даже готовы сказать это мне в лицо. Я – коррупционер и вор. Оборотень в погонах. И самое смешное – если в этом вообще есть что-то смешное, что я с вами даже с вами соглашусь.

Да, я служил, воровал и брал взятки. И много. Но только вот смотрите, какая интересная вещь? Американцы пришли в Ирак, пришли в Афганистан – чего они добились? Да ничего. Вы только вдумайтесь – они в каждой стране прое... ли больше чем по триллиону долларов. Триллиону, Карл! На сраный Ирак и на еще более сраный Афганистан. И что? Да ничего! Убрались, поджав хвост, и там их сейчас ненавидят.

А у нас что?

А у нас в Грозном – строят небоскреб. Уже строят. Четыреста сорок метров. А другие – уже построили.

Представьте – Кабул и небоскребы. Представили? Нет. Потому что это не представимо. Где Кабул и где небоскребы?

А у нас есть. И элиты чеченские – они приняли правила игры, стали частью системы и работают. Про себя конечно не забывают. Но и мы не забываем.

И не стреляют на дорогах. И не взрывают. Жизнь идет, люди работают, строятся, рожают детей. А то, что тут было

в 90-ые – забыто как страшный сон. Не всеми.

Я был внутри всего этого. В самой гуще. И могу сказать – это можно было сделать только так, как мы это сделали. И именно – так. Чистыми руками это было не сделать.

И мы сделали грязными. Но сделали.

А победителей не судят.

...

Садись в новом, уже расширенном аэропорту. Тут, кстати, намечалась линия скоростной дороги, правда, сейчас уже понятно, не ВСМ, а просто скоростной... 150-200 км в час. Но пока еще строить не начали – а вот аэропорт сделали.

Самолет был полон. Кроме меня, еще спецы по гражданской линии. Альфа. Некоторые летели со мной. В самолете почти не разговаривали... в какой-то момент – время перестает быть неощутимым, оно становится каким-то сжатым, как пружина. И ты чувствуешь себя в этом времени, ты проживаешь его через себя, ты двигаешь это время.

И именно так сейчас и было.

Встречали нас местные.

От аэропорта – кавалькадой машин, с мигалками – двинулись в город. На машинах – номера КРА, аббревиатура от ФИО. Мигалки. Уже от аэропорта – был едва виден, но все же виден кран. Это строят небоскреб. 440 метров. Последнее, что КРА решил сделать. И он – сделает, оставит за собой эту память.

Мне кстати КРА нравится. Знаете, чем? В отличие от мно-

гих – он не упертый. Он умеет думать. И маневрировать. И он знает полутона. Это важно, потому что для Кавказа есть только черный и белый. Но не для него.

И он много сделал для своего народа. Не знаю, что будет потом – но всё, что отстроено, восстановлено, сделано – уже останется навсегда на этой земле. Небоскреб лучше майдана. Я так считаю...

Но ехал я не к нему.

А пока едем – расскажу кое-что про джихад.

Джихад – это предписанная Кораном священная война против неверных, за ведение которой мусульманин гарантированно попадает в рай. Впервые мы столкнулись с этим в Афганистане и именно из-за этого в Афганистане мы проиграли. В Чечне... сначала это было никаким не джихадом... это было продолжение того же развала страны, который устроил Михаил Сергеевич. Чеченцы же на самом деле хотели независимости, хотя понимали они ее своеобразно, даже очень. Например, независимость – да, но деньги пусть будут русские... да и вообще в те годы все были наивными, как дети. Мне кажется, еще чеченцы просто хотели, чтобы их заметили, чтобы перед ними извинились, им воздали должное... и Москва их заметила. Им же на беду.

Как там...

*Серый день, чёрный дым, да в подвалах народ,
Вот тебе Рождество! Вот тебе Новый год!
Только Кремль решил, что игра стоит свеч,*

И в эфире сплелись русский мат и гортанная горская речь...

Тогда кстати... мало кто знает, что вместе с русскими подразделениями в город входили и бойцы чеченского Госсювета, который разогнал Дудаев и люди Лабазанова Руслана... это не было наступлением русских на чеченцев. Скорее это было внутренней семейной разборкой... в которой мы увидели шанс и столь трагически влезли.

Про Афганистан я не знаю, не был – но вот про Чечню, и про весь Кавказ скажу – джихад не был тем, чем он должен был быть – сражением и смертью за веру. Нет, конечно, были лохи, которые как раз за веру и умирали. Были и такие, которые мстили, были те, кто искренне хотел, чтобы Чечня была независимой... не представляя себе как, но, главное, против России. Все эти люди убивали и умирали... часто зазя. А вот рулили всем – люди очень циничные и хорошо понимающие, с какой стороны бутер икрой намазан.

На Кавказе подрывы начинались только тогда, когда проходила крупная сумма денег. Но и в этом случае – подрывались только лохи. Тот же Раздобудько – он русский, потому и лох. На самом деле поверил, что там – рай, и гурии. И подорвался. А потом его жена тоже. А среди местных лохов уже нет. Пишется флешка – я, амир такой-то такой то – напоминаю тебе об обязанности выплачивать закят и ставлю на тебя налог сорок тысяч в месяц. Или пятьдесят. Или больше – долларов конечно. Не будешь платить – похитят ребен-

ка, подожгут дом или магазин или из гранатомета выстрелят. Многие платят. Сколько раз они находили на трупах убитых деньги пачками, в банковской упаковке – это как раз вот такой вот закят. Девяносто процентов джихада на Кавказе, это как раз такой вот сбор закята. А взрывают, чтобы запугать, но не власти, а тех, кому подбрасывают флешки. У многих амиров родственники богатые люди – один брат в горы ушел, а другой поднялся, купил дом, купил магазин, купил одну отару овец, другую, третью. На какие деньги? А на те самые.

И соскакивают – тоже за деньги. Нахапал, надоело – звонит местным ФСБшникам – все надоело, хочу соскочить. Те цену ему объявляют. Иногда миллион – это если резонансный. Деньги передаются, устраивается спецоперация. Типа убитому амиру – за часть от награбленного выписывают новый паспорт, он получает загран, уезжает – Турция, Дубай. А те, кто с ним был – те расходный материал, их по-настоящему шлепают. Пацаны, которые искренне поверили в Аллаха и в рай – им смерть. А те, кто это все организовывает – те сидят на курорте, в Дубае, попивают сок. А как вы думаете, почему то и дело во время спецопераций целые дома сравнивают с землей, вместе с боевиками? А как раз для того, други мои, чтобы непонятно было – кого на самом деле убили, а кто откупился за долю малую.

Или, например – Шамиль Басаев. Подорвался, не осталось даже генетического материала провести экспертизу ДНК. Тоже случайно? Или – и он заплатил?

А потом это все – точнее, эти все – поехали в Турцию, в Ирак на джихад. Думаете, это случайно то, что там так легко по нефти и с сыном Эрдогана договорились, и с другими. Да нет, это отнюдь не случайность. Лучшие специалисты по бизнес-джихаду – говорят по-русски.

Точно так же в свое время соскочил Адам Оздоев. Дал денег, потому что они у него были. Он первым был, у Дудаева занимался банковским делом, а до войны работал в грозненском отделении Госбанка СССР. Не самое худшее место – Салман Радуев инструктором райкома комсомола был, к примеру, а Шамиль Басаев – студентом. Занимался Оздоев и авизошками, и распилом бюджетных средств... Как думаете, почему, когда мы заходили, первый бомбовый удар нанесли не по президентскому дворцу, и не по улице Льва Толстого, где жил Дудаев, а по зданию местного Госбанка? То-то же. Мы потом еще и вывозили то, что там осталось... ФСБ, никого больше не допустили.

Оздоев уехал, разумеется – пообещал больше ничего такого... а вот сейчас его сын атомную бомбу взорвал. Это как?

...

Человека, к которому я ехал, звали Виса. Виса Арсаев.

Он в свое время был одним из тех, кто стоял у истоков создания дудаевской разведки. Потом ушел в подполье. Его переманил на свою сторону КРА, поговорил с ним по-мужски. Самурай должен кому то служить, иначе он не самурай. Чечня – вот она, Чечня. Вот Грозный. Работай. Служи.

Так, Арсаев, который много лет провел в Стамбуле, сплел немалую сеть – перешел к нам вместе со всеми своими активами. А такой сети, как у него, у американцев, я уверен – не было.

Мы его приняли. Разместили. Дали место в строю. И правильно, я считаю, сделали. Что могут американцы на Востоке? Только делов наделать. А мы можем многое...

Виса сидел в офисе, называемом Грознефтегазстрой – подразделение, которое он возглавлял, даже официально не числилось в составе СВР и не финансировалось из бюджета – на все шли нефтяные деньги. Невысокий, худой, похожий почему-то на скворца – он встречал меня во дворе своего нового офиса. На парковке – Кайены и ЛандКруизеры... хорошо живут чеченские разведчики. Хотя... Делают они немало.

– Виктор Александрович...

Я поднял палец.

– Слушай, друг. А что это у вас тут строят? Покажешь?

...

Строительство и в самом деле было – просто циклопическим.

Здание намечали сделать под чеченскую сторожевую башню, но просто огромным. Если многие небоскребы добирают высоту за счет антенн или шпилей – то тут ничего подобного не было. Суетилась техника, подъезжали и отъезжали бетоновозы... и в хмурое серое небо – этаж за этажом уходил

новый памятник человеческому могуществу.

Или самонадеянности. Что почти одно и то же.

– Сколько построили?

Виса быстро пробежался глазами

– Тридцать семь уже.

Тридцать семь этажей. А планируется ровно сто десять – как в ВТЦ, Всемирном торговом центре. Есть какая-то злая ирония в том, что ВТЦ – разрушили, но в каком-то смысле его восстанавливают здесь. Конечно, не две башни будет, пока только одна.

Но будет. Здесь, в Грозном. Который не Нью-Йорк. Который еще 15 лет назад думали – восстанавливать, или доломать до конца и строить с чистого листа?

Виса понимает, зачем я приехал. Понимает, какой у меня вопрос. Но он не спешит. И я не спешу – не стоит первым начинать тяжелый разговор.

Игра тонкая, как лезвие ножа. Мимолетная, как пламя свечи...

Мне торопиться нечего, я банкую – и мы оба это знаем. И потому я не думаю, как сказать и что и какими словами, а просто стою и смотрю... на мельтешение рабочих – муравьев, на краны, выгнувшие лебединые шеи над стремительно растущим скелетом огромного здания. Виса понимает, что вопросы будут к ним. Царнаев, который взорвал Бостонский марафон – был чеченцем. Так что американцы про чеченцев помнят. И счет предъявят. Чеченцы видели, как это бывает,

в Сирии, в Ливии, в Ираке. Но все будет зависеть от того, что скажет Россия. Сдаст их – или скажет «ша»?

Если скажет, то будет всё иначе. Потому что у России – ядерных ракет побольше, чем у США будет. И в США это понимают. Одна ошибка – и гореть не Чикаго, гореть всем в адской ядерной топке, и правым, и виноватым. Требовать конечно будут – но не так.

А чеченцы всё это понимают. И видимо, впервые в жизни многие не просто понимают – а задницей простите, чувствуют, зачем нужна им Россия. Зачем им не нужна независимость, свой флаг в ООН и хоть маленький, но президент. И зачем надо налоги платить? А как раз затем, чтобы в нужный момент – можно было весомо сказать это «ша».

Так то.

Наконец Виса не выдерживает.

– Виктор Александрович... Аллахом клянусь, не знали ничего.

Я пожимаю плечами

– Знали, не знали, какая сейчас разница? Иса. Если нам предъявят – то предъявят всем без разбора. А как Америка предъявляет, ты знаешь. У нас уже ситуация с ними – аховая, под санкциями так и сидим. Для начала – что тебе известно?

– Сказали только, что наш был. Но это не мог быть наш!

Ясно.

– Вот, посмотри.

Я достал телефон – он был без СИМки, включил запись

и передал его Висе.

Виса смотрел молча. Только желваки ходили, да побелели суставы – так сильно он сжимал кулаки.

– Когда это пришло?

– Получается, уже вчера. Узнал?

– Нет.

– Оздоев, младший.

Виса осторожно протянул мне телефон.

– Ну?

– Откуда он?

– От папы с мамой! Только не делай вид, а! Со старшим давно общался?

Виса прикидывал так и этак. Но видимо, решил не врать. Не до вранья сейчас.

– Четыре месяца.

– Все нормально было?

Виса пожал плечами.

– Как всегда.

– Он где был?

– Там же где и прошлый раз. В Дохе.

Тварь...

– Значит, так, Виса. Чтобы ты понимал – сейчас идет операция Трал. По всем крупным городам. По чехам. Все понял?

– За что?!

– За то! Вы выродили этого скота! А теперь он угрожает

Москву взорвать! Атомной бомбой! За своего уе... а отвечать будете! По вашим же горским законам.

Виса машинально потянул руку в карман – но одумался. Он попал на свою мину. Согласно чеченским адатам, за проступки одного урода отвечает вся семья, весь род. Если какой-нибудь подонок изнасилует девушку здесь, в Грозном – тут никто не будет говорить – сама виновата. Зарежут насильника, потом пойдут резать родственников. Здесь шуток не понимают.

И я шуток не понимаю. И Виса это знает. Потому и сдержался. Он знает, что он сам установил те правила, по которым я сейчас играю. За одного в ответе все...

– Нехорошо делаете, Виктор Александрович. Мы же на вашей стороне. За что вы нас так?

– За дело. Если бы этот подонок аварцем был – я бы сейчас Магомадова грузил. Но он не аварец. А чеченец. Значит, так, Виса. Времени мало. Все ваши дети – будут сидеть, пока мы не разберемся с этим делом. Если Оздоев взорвет бомбу в Москве – вместе с нами сгорят и ваши дети. Так честно. Если не хочешь, чтобы это было – ищи, Виса. Хорошо ищи. Мне надо встретиться с Оздоевым. Старшим. Это первое... Второе. Оздоев из какого тейпа?

– Беной, – глухо сказал Виса

– Очень хорошо. Пусть старейшины запишут обращение. Мол, если ты это сделаешь, ты не чеченец и все такое. И перегонят мне. Точнее, передашь мне ты. Отныне никаких пе-

реговоров по телефону, никакой электронной почты, ничего. Американцы следят. Я буду рядом, в Ростове. Два дня тебе. И да, Иса. Прозвони конкретно своих, если попали под Трал, дай мне знать. Если сможешь мне найти Оздоева-старшего – я за них заступлюсь. Их – отпустим, отдадим тебе. Но только твоих. И только если найдешь. Ищи Виса. Хорошо ищи. Надо мне с ним поговорить...

Виса понимает, что я прав. А если даже и не прав – ничего это не меняет. Потому что мы им сейчас нужны больше чем они нам. Хотя... так или иначе, все за одну ногу висим... рядом.

– Если я Оздоева найду... Что ему сказать? – давит из себя Виса

– Оздоева? Если младшего, то ничего, стреляй сразу. Тебе зачтется, Героя сразу получишь, ну и все остальное. А если старшего найдешь... скажи ему, пожалуйста, вот что. Пусть он сам своего выродка найдет и кончит. И мне в подарок голову пошлет. А если нет, то скажи, я Аллахом клянусь. Если где-то в России взорвется, я весь его тейп уничтожу, человека за человеком. Всех, от мала до велика. И ты знаешь, Виса, это не треп. Так что скажи ему – пусть лучше сам. Или Аюб – или все его родственники. Так ему и передай...

25 сентября 202... г. Ростовская область, Ростов-на-Дону

Чтобы переждать момент, пока Виса не даст результат – а я почему то был уверен, что, по крайней мере, Адама он найдет – я перелетел в Ростов. Здесь я буду два дня, пока готовятся остальные. Потом – либо Стамбул, либо Дубаи.

Из Москвы сообщения шли скупо, видимо, ради безопасности решили не просто засекретить всё и вся – а помалкивать в тряпочку. И это правильно. Я не уверен, что американцы не раскололи нашу связь. Помнится, еще при моей службе было предположение, что в наших системах есть техническая уязвимость. И эта история со сливом информации об агентах, один из которых помогает ЦРУ на протяжении целого поколения – еще больше убеждает меня (и не одного меня) что уязвимость именно техническая. Иначе бы они молчали.

Шефом местного УФСБ был Дима Черных. Я его знал с 90-ых, еще с первой Чечни. И он был в числе тех региональных оперов, которых наскоро собрали с бору по сосенке и бросили в зимний Грозный. Ни знания языка, ни карт нормальных, ни оперативной обстановки – ФСБ там не работала толком года три. Нам даже задачу толком не поставили. Как и военным. Знаете, кстати, какой инструктаж дали Майкоп-

ской бригаде перед тем, как отправить на смерть? Лавочки не ломать!

Понятно, что Дима меня встретил хорошо, поехали на Левбердон. Левбердон – это Левый берег Дона. Там можно и по-богатому посидеть, и по-бедному, но мы просто взяли мяса, зелени, помидоров и пива. Установили мангал, пиво в сетку и в воду; теплоходы, буксиры плывут, чайки...

Димыч ничего не спрашивал. Только одно, мимоходом:

– Совсем всё хреново?

Я кивнул,

– Б..., только зажили как люди. И – на тебе!

Я его понимал...

Ростов-на-Дону – это ведь одно из тех мест, в которых понимаешь, что будущее у России – есть. Россия почему-то сильна окраинами. Что Питер, что Ростов, что Новороссийск, что Ебург, что Владик, что Новосибир – всё сильные города, сильные области, и близко нет сравнения с нищим замкадьем Центральной России, с умирающими старинными русскими городами, которым по тысяче лет и более. Но Ростов – он даже на общем фоне окраинного нашего благополучия отличается. Столица целого южного макрорегиона, ворота Кавказа с растущим населением, с разнообразной и работающей промышленностью, с портами, со складами – со всем, чем нужно. Как то так получилось, что не выбита здесь оказалась до конца ни казачья сноровка, ни южная оборотистость – и теперь, когда всё можно, – они-то и развернулись

во всю ширь. Всё тут есть, всё делается, порт аж гудит, дороги строятся, лес кранов над городом, аэропорт огромный отгрохали. Так получилось, что Ростов стал как бы воротами в мир для Донецка и для Луганска, как бы столицей региона. Там ты никто, тебя никто не признаёт – а сюда приехал, как на ярмарку, что надо купил, что надо продал. И, как и во всех хороших, растущих регионах – нет тут национализма, никто не смотрит, не спрашивает, русский ты, украинец, армянин или еще кто – тут даже чеченцы не выступают⁵. Речпорт весь завален донецким и луганским углем, обратно идет всё, что нужно для республик. Но кроме этого – расходятся во все стороны табак, зерно, кукуруза, вертолеты, комбайны и много чего еще. Потому-то и Левбердон гудит, стройка тут всю идет, люди отдыхают, шашлычок жарят, водку, если и пьют, то в меру. Не то что в замкадь... там пьют так чтобы забыться сразу, чтобы не видеть того, что вокруг делается. Здесь сидят весело, уверенно в завтрашний день смотрят...

Но это потому, что они не знают про Аюба Оздоева. Вот решит эта мразь, что следующим будет Ростов – и кончится всё. Разом.

Плохо это. Плохо. Решать надо. Из-под земли гада достать. И вопрос не в том, что он знает, а что – нет, а в том, что нельзя на нас руку поднимать.

---

⁵ Яркий пример. В Ростове немало чеченцев – так вот, был случай, когда чеченские родители обратились с жалобой на то, что в школе их детей, чеченцев, бьют и угрожают зарезать! Все-таки, казаки есть казаки.

– Что, семью вывозить? – спросил Димыч.

– Вывезти-то вывези, – сказал я, – лишним не будет. Только... хрен вот им. Во все рыло...

...

Я не ошибся. Виса нашёл. Уже через сутки – нашёл.

Его преимущество было в том, что он был одним из них, а не одним из нас. Чеченцы, кавказцы... – на Ближнем Востоке свои. И они мусульмане. Правоверные. Значит – свои дважды. Им расскажут и покажут то, что никогда не расскажут и не покажут кяфиру. Вот почему параллельная, никому не известная наша спецслужба на Востоке куда эффективнее ЦРУ США.

Мы приехали в аэропорт – но не новый, Платов, а старый. Его пока не снесли под застройку и взлетка была целой. Стояли и ждали, глядя на зарево огней городка. И думали – каждый про своё.

Виса прилетел на вертолете. У него был небольшой вертолет – не МИ8, а Белл, уральской сборки. Шикуют чеченцы. Шикуют.

– Нашел, – выпалил Виса несолидно, все-таки пятьдесят лет человеку – едва он сошел на бетонку аэропорта.

– Где?

– Он ничего не знает.

– Где? – повторил вопрос я.

– Он готов встретиться. На безопасной территории. Он хочет все объяснить.

– Где именно?

– В Абу-Даби. Во дворце...

Вот даже как. Заходят с козырей. Впрочем, я не удивлен. Адам был не просто вором, он был талантливым схемщиком и финансистом. Я не удивлен, если его талант там оказался востребован уже местной элитой.

– Его что, семья эмира крышует?

– Похоже, что так, – Иса развел руками.

Я бы мог сказать, – а если я американцам намекну, кто относится к оси зла? Но я не сказал. И не должен был сказать. Потому что это наше дело. Коза, так сказать, ностра. Я могу убить весь род Адама и чеченцы это поймут, как месть, но вот выдать его на расправу американцам я не могу. Потому что это уже предательство. И все будут знать об этом. А так же знать и то, что главные отныне – не русские, а американцы.

Вот такая вот она – кавказская политика XXI века. Кавказ можно любить, а можно ненавидеть – но если ты работаешь тут, то принимай их правила и живи по ним. Иначе ничего не выйдет...

– Обращение привез?

– Да, записали, – засуетился Иса.

Обращение старейшин, как я и просил. Посмотрю, конечно, на досуге... перед тем как в дело пускать. Знаете... парадокс нашей чеченской политики в том, что мы выступаем с консервативных позиций. Очень большая ошибка думать,

что при Дудаеве, а потом и при Масхадове в Чечне был шариат. Дудаев, например – судя по фамилии, происходил из горских евреев (дада), а название его тейпа переводилось как «платящие дань». До войны он выступал с предложениями почитать не пятницу, а субботу, и совершать намаз не пять раз в день, а три – в любой исламской стране его зарезали бы после первого же такого предложения. В отрядах боевиков – практически никто не совершал намаз, все пили водку, некоторые практиковали гомосексуализм. Я сам слышал, как один из чеченских полевых командиров на постое назвал местного муллу придурком – за глаза, конечно. В конечном итоге – на нашу сторону перешел муфтий Чечни Ахмад Кадыров именно потому, что видел – никакого ислама в Чечне нет, и со временем Чечня становится всё более греховной.

А сейчас в Чечне как раз внедряется настоящий ислам. При Дудаеве никто не покрывался – сейчас покрытых женщин хватает, как впрочем, и не покрытых. Все больше чеченцев совершают хадж, все больше священнослужителей – заканчивают школу в Мекке, перед тем как служить, получают степень в фикхе. Все больше и больше чеченцев понимает, что ислам – это не правоверные против неверных, это жесткая система самоограничения и воспитания, и нельзя пить водку и думать, что в этом нет греха, если в Коране сказано только про вино. Как сказал один мулла – главный джихад мы ведем против себя самих, против нашего безверия, лени, греховности...

А старейшины... Раньше, даже при советском строе, их слово было законом, никто не смел ослушаться мнения старейшин. Годекан – место в селе, где сидят старейшины – считался священным. Но сейчас – одни уезжают в Москву или на Запад и стараются быть там как все, а другие приходят в ислам, а для таких – существует один лишь Аллах Всевышний. Так что я не слишком-то надеялся на приговор стариков – но все лучше, чем ничего...

– А это что? – я развернул лист бумаги.

– Виктор Александрович, вы же говорили... родственники.

Я усмехнулся.

– Не много ли родственников, Виса? Да и фамилии, смотрю... со всего тейпа что ли собирал? Поди еще денег с них стряс...

Я сменил тон, похлопал Вису по плечу.

– Нормально, прорвемся. Главное – бди. Узнаешь про Оздоева-младшего – можешь действовать не докладывая. Он вне закона. Зачтется...

31 сентября 202... г. Стамбул – Абу-Даби

Промежуточная посадка у меня была в Стамбуле. Мне выделили отдельный самолет, вместе со мной – аналитики, связь, оперативное звено Альфы. Если не найдем Оздоева первыми – зв...ец всем и в прямом и в переносном смысле этого слова. Обстановка в мире такая, что всё напрашивается на большую войну. Никогда такого не было – и вот опять,

б...

В Стамбуле несмотря на то, что он не был столицей – работали кое-какие структуры турецкой военной разведки, ориентированные на страны Причерноморья и Южной Европы. С Россией на данный момент Турция поддерживала нейтралитет, несмотря на то, что состояла в НАТО – и нам этот нейтралитет был нужен так же как и им. Нам тоже выгодно, что Турция обладает второй по величине армией в НАТО, а 70% турок в ответ на вопрос, кто является главным врагом Турции, отвечают: Соединенные Штаты.

Мы приземлились в старом аэропорту им. Ататюрка – он потихоньку умирал, все больше и больше авиакомпаний переходили в новый аэропорт, крупнейший в мире. На встречу со мной – приехал сам генерал Акар. Мы давно знали друг друга, еще с тех пор, как он сидел резидентом в Грузии и спонсировал деньгами и оружием чеченских боевиков. Но это было в прошлом, а сейчас враги у нас были общие. Да и вражды особой в нашем мире, в нашем кругу не было – каждый служит Родине и получает приказы, которые и выполняет...

– Салам алейкум, салам алейкум...

Генерал выставил перед собой знакомую коробку, перевязанную лентой.

– Хаджи Бекир? – узнал я.

– Он самый дорогой, он самый...

– Все еще работают лавки?

– А куда им деваться...

Хаджи Бекир – так звали специального султанского повара по сладостям «шекербаша», который первым открыл собственную лавку сладостей в Стамбуле, это было еще в XVIII веке. Магазины сохранились до сих пор, их несколько и они до сих пор управляются поколениями той же самой семьи. Им предлагали открыть сеть и выйти за границу – они отказались. Так они до сих пор и работают – продают сделанные руками те же самые сладости, что когда-то ел султан.

– Ташакор, товарищ, ташакор. Не забыл мои вкусы...

Генерал улыбается в усы, хотя улыбка ничего не значит. Его дедушка – был членом коммунистической партии Турции, другом великого Назима Хикмета. Я знаю это. И генерал знает, что я знаю.

Я поднимаюсь с кресла, разминаюсь

– Спина затекла, летел долго. Пройдемся?

Генерал Акар кивает – а его глаза шарят по самолету, натываются на полотно, которым отделена большая часть салона. Хрен тебе, глазастый ты наш. По всей твоей роже...

...

Спускаемся вниз. На фоне громадного Ил-476, переделанного в грузопассажирский – мы как букашки, как муравью. Горят огни аэропорта, светится диспетчерская вышка. Вкусно пахнет авиакеросином. Совсем темно, поздний вечер уже, свет только от фонарей и прожекторов.

Мы идем в сторону тьмы...

Не торопясь.

– Турецкое правительство... – генерал говорит по-английски с сильным акцентом – выражает американскому глубокое сочувствие по поводу произошедшего. Мы никогда не поддерживали терроризм. Аллах никогда не поддерживал терроризм, джихад – это не война с женщинами, детьми, стариками. Шариат запрещает делать то, что они сделали.

Я молчу. К Турции у нас давние и долгие счеты... и недавних тоже хватает. Лицемеры они, самые настоящие. Но сейчас как никогда остро встал вопрос – относительно того против кого дружить. Против американцев, конечно же. Потому на этом историческом отрезке мы вместе. Наверное.

Хорошо, когда есть против кого дружить. Хотя Ата-тюрк-два ни с кем не дружит, он всегда себе на уме. На примере Турции можно постичь одну из мудростей геополитики. Вступи в НАТО – а потом и твори все что угодно, всё равно не исключат, не решатся. Он и творит.

– ... мы, разумеется, окажем Соединенным штатам всю возможную помощь в поимке террористов, сделавших это чудовищное преступление. Но правительство Турции – опасается повторения событий начала этого века. Тогда – Америка назвала виновных, и напала, и разворошила осиные гнезда. Они пнули и ушли, а осы до сих пор летают и больно жалят всех вокруг. Мы живем здесь, Виктор-эфенди, живем очень давно и знаем, от кого и чего можно ожидать. И вы живете здесь. Американцы могут прийти и уйти, нам же с

нашей земли уходить некуда, как и вам с вашей.

...

– Мы крайне заинтересованы в самых незамедлительных консультациях с Кремлем по поводу сложившейся ситуации. Мы уже передали это вашему послу – но вы авторитетный человек, Виктор-эфенди, и послание, переданное через вас, даст Аллах, дойдет еще быстрее. Несмотря на все те мрачные страницы, которые были у нас в прошлом – мы никогда не забудем того, как вы протянули нам руку помощи сто лет назад. Мы готовы развивать нашу дружбу в самом ускоренном порядке...

Ага!

Чует кошка, чье мясо съела.

Чует...

Турки вступили в НАТО в пятидесятых для того чтобы не отдавать советской тогда еще Армении их исконные области. Они всегда были их южным флангом, развивались на их же инвестиции. Но после того как к власти пришел Эрдоган, политика Турции сильно изменилась, стала куда более хитрой и циничной. Они то покупают Ф35, то С400. То с Америкой, то с нами – и все на словах.

Но сейчас – видимо, пришло время расплачиваться. Эрдоган явно помнит слова Буша сказанные тогда – кто не с нами, тот против нас. Только времена были совсем другие. Тогда все склонили голову и мы в том числе. Сейчас – никто в России голову склонять не будет. Все прекрасно помнят,

как нас манали санкциями, начиная с 2014 года. И антиамериканизм, который был всегда – сейчас зашкаливает. Я не думаю, что десять процентов найдется тех, кто за США. И у нас совершенно другая армия.

А Турция – прекрасно понимает, что сейчас США будут искать виноватых. И виновным может быть объявлен кто угодно, в том числе и они – потому что Америке они насолили сильно. Они понимают, что США будет сейчас выстраивать новую Ось зла. И спрашивают – спрячем ли мы их под свой зонтик из ядерных ракет.

А они переждут грозу и дальше пойдут вилять ж... и строить по-тиханцу планы нового Великого Турана – до Волги, до Казани.

Думаете, мы не знаем, что имел в виду Эрдоган когда в Казанском университете говорил про единый тюркский народ?

Знаем. И поэтому...

– Обязательно передам ваши слова, Аккар-джан, вместе со своими. Вы же знаете, я хорошо отношусь к Турции, даже отдыхал у вас не раз.

А вы все пытались подвести ко мне свою девочку, а как-то раз – предложили аж мальчика. Подумали, что я не такой как ... все, в общем.

Козел липкий.

– Мы всегда знали, что вы наш друг, Виктор-эфенди, и ценим это. Но помимо этого мы бы хотели заверить ваше

руководство в самых дружеских чувствах...

Так... похоже, обделались. Интересно – что?

– Исмет-эфенди, давайте начистоту. Что они вам сказали?

Что-то конкретное?

Генерал умудрился понурить не только голову, но и усы

– Ах, Виктор, и ничего-то от вас не скроешь. Вы прямо-таки провидец.

– Немного. Так что?

– Нам дали список. Большой. Сказали – всех людей, какие там есть, найти и выдать им. О, Аллах, где мы их будем искать, половину мы даже не знаем...

Похоже, крепко. Очень крепко.

– А если нет?

Генерал выразительно воздел очи к черному небу

– Чем-то конкретным угрожали?

– Приезжал один. О, Аллах, какая неблагодарная скотина.

– Кто?

– Да ты его не знаешь, Виктор-эфенди.

– Кто? – не меня выражения, повторил я

– Скот Туроу... прокляни его Аллах...

Почему же не знать. Знаю. Скот Туроу, второй после Уильяма МакРейвена адмирал, который выслужился из морских котиков. Сейчас специальный советник президента США по вопросам национальной безопасности. Специальный – значит, второй после просто помощника.

А помню я его, потому что именно Туроу, тогда еще не ад-

мирал – вместе со своими... подчиненными – устроил у нас в России взрыв на секретной базе спецназа. Двадцать один человек погиб, пришлось списывать на операцию на Кавказе, потом еще скандал лютей был – как во время банальной операции по преследованию банды мог погибнуть двадцать один человек. А на деле был жуткий скандал – оказалось, что вот просто так, в тысяче с лишним километров от ближайшей границы, в городе, где есть управление ФСБ, на базу с техническими средствами прикрытия и неплохими – могут тупо проникнуть диверсанты врага, заложить взрывные устройства и отчалить восвояси. Это была демонстрация уязвимости, непонятно только зачем.

Если они хотели нас напугать – по факту только разозлили: русские никогда не понимают намеков. Через какое-то время случилось алаверды – в Афганистане по непонятным причинам взорвался и сгорел тяжелый вертолет с группой морских котиков на борту – потери были такие, что в США объявили национальный траур. Это было еще до 2014 года, вот почему я с большим скепсисом отношусь к словам о том, что в 2014 году мы испортили отношения со всем миром – в этом году все просто вышло на свет божий. Но контр-адмирала Туроу – у нас многие помнят, и если представится случай – замочить не преминут. Так, чтобы мир стал немножко чище.

– Что он сказал?

– Сказал – вы или с нами или против нас. А если против

нас... бум.

– Бум? Большой бум?

Генерал ничего не ответил. Но судя по всему – конкретный. Вероятно, ядерный – после того что произошло США сдерживаться не будут. У них, кстати, в доктрине не прописано что ядерный удар можно наносить только в ответ.

Надо решать и мне – сдавать ли часть информации. Решил – не сдавать.

– Вы не могли бы поделиться копией списка, которую привезли вам американцы. В качестве дружеской услуги?

Генерал делает жест руками

– Да, но он в Анкаре.

– Здесь нет средств связи? Мне только посмотреть...

...

Оздоев-младший в списке был. Значит, его либо опознали, либо вот-вот опознают. Немного насторожило что он в конце списка, точнее ближе к концу. Так и непонятно – американцы точно знают или просто составили список подозреваемых? Мне бы хотелось знать – от этого зависит сколько у меня есть времени. Но список на вопрос не ответил, только поставил новые.

Тепло попрощавшись с турком, я поднялся в самолет. Подошел командир корабля с рапортом, неофициальным, правда.

– Абу-Даби дает добро.

– Заправили?

– Так точно.

– Тогда летим.

– Виктор Александрович, а это куда?

Командир показывает на коробку. На ней султанский герб.

– Выкиньте к чертовой матери. Но не здесь, а как прилетим. Еще вопрос, что они туда подмешали...

...

В Абу-Даби было... ну как примерно в жаркие дни в Москве. Тридцать в тени. Это не лето, летом здесь невозможно выжить. Летом тут полтинник.

Эмират Абу-Даби – самый большой из всех эмиратов ОАЭ, его главный город – это Дубай, хорошо знакомый русским военным потому что тут раз в два года проходит едва ли не самая представительная международная оружейная выставка в мире. Иметь стенд на IDEX – это добиться успеха, потому что на AUSA нас не пустят, да и там в основном камерное мероприятие, для своих, в Европе тоже – а тут как бы общий сбор, где место есть для всех.

Многие путают ОАЭ и Саудовскую Аравию – но это сравнение очень далеких друг от друга стран, пусть и соседей. Саудовская Аравия – жестокая средневековая мракобесная страна, в которую просто так не попасть и просто так не выбраться, там есть религиозная полиция как в Иране и рубят людям головы на площади. ОАЭ – это пусть и монархия, вернее союз монархий – но в то же время это продвинутая, от-

крытая миру территория с отличными условиями для бизнеса. Они заинтересованы в ненефтяных источниках доходов – и потому с радостью дают приют любому бизнесу, оказывают помощь. Они так же заинтересованы в том, чтобы люди со всего мира приезжали сюда жить, покупали недвижимость – потому легко пускают иностранцев. Русских здесь полно – и не только русских, но и кавказцев, казахов, узбеков, азербайджанцев, многие покупают тут второе жилье на зиму. Здесь тепло, солнечно. Выставка тут ранней весной бывает, прилетишь из промозглой Москвы – как в рай прилетел...

Интересно, а им американцы уже успели поугрожать?

Каких-то свидетельств чрезвычайного или особого положения не было – но это если не присматриваться. Аэропорт был полон... люди улетали, не прилетали. Немного подумав, можно было сделать жуткий вывод – все ждали, пока США начнут действовать и не хотели стать целью для удара...

– Что там? – я сам не показывался даже в иллюминаторе, не к чему

– Едут.

Глянул. Один за другим – на поле выруливали одинаковые Тойоты Ланд Крейзер, белые. Машины министерства обороны. Или министерства двора.

..

На скорости, с мигалками – рванули в город, навстречу прошла небольшая колонна бронетехники. Арабы были вежливыми до тошноты, но это ничего не значило. Мы для них

неверные, всегда такими были и будем. Разница в том, кто из неверных им сейчас нужен, а кто – нет.

Дворец – был по меркам дворцовой архитектуры достаточно скромным, выглядел при этом современно – но оно и понятно, здесь всему что построено – лет пятьдесят от силы. Пятьдесят лет назад – здесь был небольшой городишко, который только распробовал вкус нефтяных доходов, а восемьдесят – нищие рыбацкие стоянки, жившие рыбой и добычей жемчуга. В это трудно поверить – но в шестидесятые, когда японцы придумали как выращивать искусственный жемчуг— ОАЭ чуть не обанкротились.

Сейчас же здесь – лес небоскребов, скоростные шоссе, насыпные острова – дело в том, что землю продавать запрещено, но только ту что создал Аллах – а насыпную создал человек и ее – можно. Здесь одно время работало до двадцати пяти процентов высотных кранов мира, а небоскребов уже сейчас больше чем в Европе. И все это – живет, работает, строится. Только находясь здесь – начинаешь по настоящему осознавать всю тщетность наших усилий, начиная с 1917 года, все безумие и дикость наших дерзаний и стремлений по построению справедливого общества, рая на земле. Вот он – рай. Они его построили, и царя свергать не пришлось. А мы? Картавый урод, усатый палач, пятнистый брехун, седой алкаш... ради чего все это было? Ради чего мы терпели, жили в землянках, верили, ждали, умирали? Ради того чтобы опять оказаться у разбитого корыта и начать все с начала?

И не надо мне свистеть про климат – фигня все это. Паршин или Паршев... не помню – он то ли не знает, то ли сознательно не говорит о том, что в жарких странах энергии расходуется ничуть не меньше, на кондиционирование помещений и на полив. Здесь все круглый год под кондиционером сидят, энергии уходит море. И на полив – тут вообще пустыня, воду развозят огромными цистернами размером с железнодорожные.

И про нефть не надо – у нас тоже нефть. И мы, как и они – в семидесятые получили сверхприбыли от продажи нефти по цене в четыре раза выше обычной. Но у них эта прибыль на счету – а у нас на бумаге. А знаете, почему? Во-первых, потому что мы огромные партии нефти поставляли странам соцлагеря по ценам в несколько раз ниже рынка. Во-вторых – потому что получаемые деньги мы расходовали на помощь всякому дерьму – например, выплатили внешний долг Польши в восемьдесят первом. Ну и наконец – много денег шло на закупку зерна. Вы только вдумайтесь – мы, обладая четвертью черноземов мира, покупали себе покушать за нефтяные деньги. Они тоже – но тут понятно, пустыня. А у нас? Колхоз «Сорок лет без урожая»? Потом цена на нефть упала, и покупать кушать стало не на что...

Так что нефти в те веселые годы мы продали никак не меньше, чем местные монархии. И газа тоже. Только они построили себе рукотворный рай. А нам в девяносто первом – было не на что купить поесть. Вот это и есть – наш итог. Дао

совка. И каждый раз, когда я приезжаю в Абу-Даби, или в Дубай, или в Доху – это как пощечина мне. Звонкая, хлесткая, оглушительная пощечина. Но она нужна. Чтобы не забывать. Чтобы снова не купиться...

– Эфенди...

Я обернулся. Передо мной стоял слуга в европейском костюме

– Низжайше прошу...

...

Анфиладой комнат – мы прошли в какое-то помещение, больше напоминающее небольшой зал приемов, слуга попросил ждать и оставил меня. Никого не было, кондиционеры бесшумно нагоняли прохладный воздух и я залюбовался картиной «Положение во гроб». Это или талантливая копия или подлинник... но как он тут оказался...

– Эту картину дали мне напрокат, на девять месяцев. А сегодня утром позвонили и попросили досрочно вернуть, хотя не прошло и трех...

Я повернулся на голос, и вдруг понял, кто передо мной. Это сам эмир эмирата Абу-Даби...

...

Эмир был сыном шейха Заеда аль Нахайяна, человека уникальной судьбы. Родившегося в 1916 году в палатке бе-дуинского племени и ставший под конец своей жизни президентом одного из самых успешных и богатых государств мира. В отличие от той же Саудовской Аравии – здесь проходят

выборы, и шейх Заед переизбирался семь раз подряд. Это не фальсификация, о чем говорит тот факт, что сейчас лицо шейха Заеда любят изображать местные любители граффити. Все здесь понимают, что жить можно было по-разному, и то, что сейчас здесь почти что рай, а не нищая и убогая теократия – это заслуга шейха Заеда. Он выдвинул лозунг о том, что нельзя жить только нефтью, надо искать что-то еще. Он ввел в стране выборы. Он кстати первым на арабском Востоке сделал министром своего правительства женщину.

Сегодня – правит его сын. Он же президент ОАЭ. Известный, как человек озабоченный экологией, делающий пожертвования и пользующийся заслуженным авторитетом среди равных себе. Но он не должен был принимать меня, потому что я намного ниже его. И то что он вышел ко мне – само по себе говорило о том, что ситуация чрезвычайная.

Я понял, как надо действовать. Потому поклонился
– Ваше Величество.

– Я бы хотел – сказал шейх – чтобы посланник великой северной страны разделил с нами трапезу. Потом мы сможем поговорить. Это возможно?

Отравят? Да ну.

– Почту за честь...

...

Стол накрыли в одной из столовых – наверняка не парадных. Всего несколько человек. В том числе и Адам Оздоев. На столе был аль-махбус – местное блюдо. По ингреди-

ентам оно немного напоминает плов, только вместо моркови туда добавляют сушеные лимоны, и готовка этого блюда другая, не такая как у плова – все ингредиенты варят сначала вместе, потом отдельно, потом опять вместе. Мясо было бараниной. Часто готовят это блюдо с верблюжатиной – но эмир видимо решил, что для европейского гостя верблюжатины лучше не подавать. Все-таки гостеприимство тут на высшем уровне.

Еще подали ложки – традиционно это блюдо едят руками.

Орудя ложкой, я наблюдал за Оздоевым. Трудно было его узнать... он был не просто старым – он был сломленным, раздавленным... это видно было по всему – по глазам, по тому как он ел, по жестам. Укатали сивку крутые горки – тут это не подходило, тут был именно слом.

Я машинально потрогал кольцо на пальце... что делать? Напроситься на рукопожатие можно будет... яд медленный. Я тоже отравлюсь – но в самолете есть антидот, времени на то чтобы добраться до самолета хватит – яд начнет действовать спустя двадцать четыре часа, он для того и предназначен. Но зачем убивать человека, который наполовину мертв? Смысл?

Мне вспомнился Оздоев тот, чеченский. У него было все. Дома, наложницы, машины. По сравнению с нами, нищими, задолбанными – он был настоящим восточным Крезом. Даже расплачивался он с нарочитой небрежностью, пачки денег не передавал, а бросал.

А теперь, похоже...

Да...

Однажды рай и ад стали спорить друг с другом. Рай говорит: «О Аллах! Почему же в меня входят только слабые и немощные?» Ад говорит: «Я же стал местом для высокомерных и несправедливых...

Это в шариате сказано про гордыню и гордецов. А еще сказано

Воистину те, которые считают ложью Мои знамения, которые горды к Моим аятам, для них не будут раскрыты ворота небес и они не войдут в Рай пока верблюд не пройдет через ушко иглы...

...

После того, как была подана последняя перемена блюд – все участники трапезы с поклонами вышли, оставив нас троих.

И только тогда я сказал, говоря через стол:

– Салам алейкум, Адам Имранович. Мир вам...

Адам не ответил. Но ответил эмир.

– Хвала Аллаху за трапезу, пусть он смягчит сердца тех, кто в гневе. Вы посланник могущественной и сильной страны, но кроме того – еще и справедливой. Из века в век Россия подавала замечательные примеры не только силы, но и справедливости. Многие арабские народы сейчас свободны только благодаря Москве.

Вспомнил... вечно они вспоминают только когда приго-

рит. Сейчас в это трудно поверить – но в восьмидесятом Кувейт искал советской дружбы... мы послали им нефтяное оборудование на атомном лихтеровозе Юлиус Фучик – а их шейх пил в Кремле харам с Брежневым и называл Америку исчадием ада.

Все вы вспоминаете, когда пригорит. Козлы.

– В страшный час испытаний, которые нас посылает Аллах, я прошу вас не отказать и выслушать моего друга и гостя. То, что он скажет – правда, как не сложно в это поверить. Перед тем, как говорить с вами, он рассказал всю историю мне, и я могу подтвердить, что это правда. Пусть Аллах будет свидетелем этим словам и нашей искренности.

...

Оздоев помнил меня.

Он помнил и Чечню, и Грузию, он помнил, кому и как он передавал деньги чтобы спастись, и конечно же – сколько. Он помнил и то, как оказывал нам услуги, а мы оказывали услуги ему. Но сейчас – все это не имело для него значения – он был обречен и знал это.

...

Мертвый – среди пока еще живых.

Можно было спросить многое, можно было бы начать разговор по-разному – но я вдруг понял, что он уже готов, раскручивать его не надо. Надо просто спросить.

– Это правда?

Оздоев только посмотрел на меня. И ничего не ответил.
Но это и был – ответ...

Картинки из прошлого.

2011 год. Ближний Восток

2011 год. Год Арабской весны. Год, когда все – и на самом Ближнем Востоке и многие за его пределами – позволили себе поверить, что всё может быть иначе. Что можно прекратить череду истребительных войн, которые сотрясают регион уже несколько десятков лет и начать строить новое общество, без диктатуры и угнетения.

В декабре 2010 года в местечке Сиди-Бузид в Тунисе 26-летний Мохаммед Буазизи торговал на рынке овощами. К нему подошла женщина из администрации, и спросила, заплатил ли он за право торговать. Разрешения не было. Тогда она конфисковала его товар, весы, оштрафовала на сумму примерно семь долларов США, а когда Мохаммед Буазизи попытался протестовать – дала ему прилюдно пощечину.

Никакого другого заработка у Мохаммеда Буазизи не было. Как и перспектив в жизни. Потому он и решил с ней расстаться. 17 декабря 2010 года он вышел на площадь перед мэрией города, облил себя бензином и поджог. Надо отметить, что сделал он это не потому что ему требовались какие-то политические права или он считал выборы нечестными. Просто у него не было перспектив в жизни. Политическим актом это сделали потом.

Тунис был не худшей арабской страной. Скорее одной из лучших, из тех, у кого нет нефти. Он был расположен на северном побережье Африки, с момента деколонизации им правило всего два президента Хабиб Бургиба, отстранённый от власти в 1987 году, и Зин эль-Абидин Бен Али. Последний – армейский генерал с политическим опытом, был коррумпирован не больше, чем средний президент средней восточной страны. На свою беду – он полюбил свою парикмахершу Лейлу Трабелси. А у нее было десять братьев и все хотели кушать...

Дальше... никто даже не понял, что начало происходить дальше. Бен Али пытался сгладить конфликт, он посетил мать Мохаммеда Буазизи, дал денег, обещал политические реформы и экономические улучшения. Он искренне не мог понять, почему самосожжение всего лишь одного глупого торговца поставило на дыбы всю страну. Но так и произошло. Не справившись с протестами, Бен Али объявил о том, что покидает свой пост и сбежал в Саудовскую Аравию со своей женой, прихватив полтонны золотых украшений и много чего еще.

А потом и все остальные стали задаваться вопросом – а чем мы хуже. Почему тунисцы смогли сбросить своего пожизненного президента, а мы – нет? Чем мы хуже?

И запылало...

...

Адам Оздоев – опаздывал.

Он гнал свой РейнджРовер по прибрежному шоссе, направляясь в эмират Шарджа – но все равно не успевал.

Эмират Шарджа – был расположен в основном в пустыне и не имел ни нефтяных, ни рекреационных возможностей, как в Дубае. Но там был свой бизнес. Громадный аэропорт, пустыня, никаких лишних глаз – говорят, одно время там стояло до 50 Ил-76, старых и новых, которые после падения СССР стали никому не нужны. Принадлежали они всяким темным авиакомпаниям с оффшорной регистрацией, готовым возить всё, что угодно и куда угодно, без вопросов. Говорят, там держал свои самолеты и Виктор Бут, про которого потом фильм сняли – «Оружейный барон». Места там мало того, что глухие, так еще и сухие, дождей там почти не бывает. А это дает возможность технику и ящики с оружием круглый год под открытым небом держать – и ничего с ними не случится.

И держали.

У Адама тоже там были свои дела... да у всех – были. Он вспомнил, как как-то вечером, в доме Дудаева на Льва Толстого, где он жил у каких-то родственников, – вечером они мечтали. Как они будут продавать нефть за доллары и станут жить как в Кувейте, и у каждого чеченца будет богатый дом и машина – в обстановке постсоветской разрухи много ли надо? О том, как они построят новый аэропорт и новые дороги в горах, и много еще всего. Он помнил, как он ездил в Германию заказывать новую валюту – найры, и Дудаев по-

том долго его ругал. Он спросил, перед тем как уехать, какого цвета должны быть деньги и Дудаев сказал – зеленые. А потом он вернулся с образцами – найрами – и Дудаев долго ругал его и немцев, потому что деньги не были похожи на доллары, оттенок другой. А он хотел как доллары, хотел перепечатывать...

Да не успел.

Но дороги здесь всё равно хорошие.

Бетон, гладкие, без ям, – не едешь, а летишь. Главное – не попасть под переёмт – это когда песок на дорогу вылезает таким языком, можно и в аварию угодить, если налетишь на скорости.

Он обогнал громадную цистерну на шасси белорусского танковоза ВОЛАТ. Арабы придумали умно – у них много танковозов, но пока войны нет – они тягают вот такие вот громадные, размером с железнодорожную – цистерны. Развозят питьевую воду.

Посмотрел на часы. Нет, все-таки успевает. И тут – низко над трассой заходя на посадку, прошел самолет по размерам Боинг-737, в серой раскраске ВВС США. Да, он успевает...

...

Американцы были последними, кого ждали. Он успел.

На эту сходку – никем не анонсированную, никак не освещенную в прессе – собрались те, кто действительно принимает решения. И те, кто их исполняет. Представители всех крупных государств региона и их правителей. Сотрудники

ЦРУ и Госдепартамент. Представители крупных оборонных и нефтяных компаний США.

Кроме арабов, были только американцы. Никого больше не пригласили.

В одном из ангаров отгородили толстой пленкой большое пространство, поставили стулья, столы, установили аппаратуру. Собравшихся было человек 30, большинство друг друга знало, так что обошлись без приветствий.

Первым взял слово один из младших принцев дома Саудов и вероятный наследник престола. Он был возмутительно молод – тридцать с чем-то. Но он происходил из правильного клана Судайри, а все, кто еще мог думать и соображать в этой нефтяной монархии понимали, что с установленным главой дома Ас-саудов династическим принципом – не сын наследует отцу, а брат – брату – надо что-то делать. Иначе получится как в Советском союзе 80-ых – гонка на лафетах. С такими же примерно последствиями для страны.

– Господа, – сказал принц, – я надеюсь, представители хозяев извинят меня за то что я взял слово первым, и я со своей стороны, хочу поблагодарить шейха Ису за гостеприимство, да будет доволен им Аллах...

Вежливо похлопали.

– Как вы уже знаете, ситуация в Ливии постепенно выходит из-под всяческого контроля, Сирия – на грани. В Йемене – беспокойно, вражда кланов. Мы, конечно, можем сказать – так им и надо, все это страны, которые отвергли своих закон-

ных монархов и свергли их, в которых произошли революции – и вот теперь Аллах карает их. Но сказать так – было бы очень опрометчиво. Мы имеем дело с восстанием черни против законной власти, перебрасывающимся из страны в страну как при сильном ветре пламя пожара перебрасывается с дома на дом. Да, у нас в наших странах – наши подданные в основном довольны – но все ли? Как можно в этом быть уверенными? А как быть с рабами, которых мы выписываем из Пакистана, из Сомали? В некоторых наших Аллахом спасаемых странах они составляют до трех четвертей всего населения. Что будет, если кто-то привезет им несколько ящиков с автоматами и скажет – идите и убейте хозяев ваших и возьмите себе всё, что сочтете нужным, это теперь ваше. Как мы сможем защититься от них?

Адам Оздоев, сидевший среди тех, кто слушал – неожиданно поймал на себе взгляд одного из американцев. Тот кивнул...

...

Возможность поговорить представилась, когда объявили перерыв. На столах стояли кувшины с щербетом и апельсиновым соком – но слуг не было, каждый наливал себе. Посторонних тут не должно было быть. Двое – чеченец и американец – налили себе: чеченец щербет, американец фреш – и вышли из ангара.

– Столько сладкого пить вредно, – сказал американец, показывая на бокал, – диабет заработаешь.

– Все в воле Аллаха.

На Востоке пили очень своеобразный чай, не для всех. В чайник засыпали треть заварки, треть сахарного песка, заливали водой и доводили до кипения. Получалось как чифир, но очень сладкий.

Они обнялись...

– Узнал...

– Как же не узнать...

Американец работал по постсоветскому пространству. Однажды его похитили, но не успели даже требование о выкупе предъявить. Подъехал Оздоев с группой боевиков Президентского полка, и на пальцах объяснил идиотам, что с американцами надо дружить, а не красть их. А чтобы было понятнее – рассказал быдловатым похитителям – аульским – что с ними будет, и с их семьями, если они еще раз тронут иностранца.

– Как живешь?

– Местами. Я не поверил, когда узнал, что ты здесь. Думал, тебя убили.

– Аллах хранит.

– Но раз ты тут это хорошо...

Оздоев никак не отреагировал.

– А ты сейчас где?

– В Госдепе. Но скоро уйду оттуда. Там везде устроили своих... детский сад, черт бы их побрал. Представь – они не отличают шиитов от суннитов, мать их...

– Зато ты хорошо отличаешь.

Американец не уловил иронии – все-таки это был не его родной язык.

– Верно. Но дело не в этом. Мы как раз ищем кого-то вроде тебя.

– Кого-то вроде меня... что это значит?

– Кого-то, кто поможет нам выйти на кавказские кланы.

– А это какие кланы... я человек мирный, ты это знаешь.

Американец принужденно рассмеялся.

– Да брось, Адам. Помоги нам и мы поможем тебе.

– Поможете в чем?

– Ну, например, если надо будет разблокировать чей-то счет.

– У меня нет заблокированных счетов.

– Так будут!

Чеченец недобро посмотрел на американца.

– Перестань, Адам, я тебе не враг, и я помню добро. От сотрудничества с нами ты больше приобретешь, чем потеряешь. И ты и весь твой народ.

Чеченец покачал головой.

– Боб, а может, вспомним прошлое. Что ты там говорил Шамилю в девяносто девятом? Что Америка окажет помощь в деле восстановления независимости всего Кавказа. И где теперь Шамиль? Все кто тебе доверился, мертвы.

– Ай, брось, ради Аллаха. Ты прекрасно понимаешь, после 9/11 многое пошло не так. Никто не ожидал, что УБЛ

сотворит такое. Политически поддерживать любых мусульман после 9/11 – было самоубийством.

– УБЛ? Или кто-то другой?

– Расследование сказало, что это был УБЛ, – дипломатично ответил американец, – но сейчас многое изменилось. Понимаешь... Соединенные штаты почти всегда поддерживали борцов за свободу, какую бы религию они не исповедовали. Чтобы ты понимал, мой далекий прапрадед был сослан в Тбилиси после польского восстания и там принял ислам, он был одним из первых людей в мире, кто понял неизбежность союза демократии и ислама в борьбе с Российской империей. Мы десять лет, капля за каплей точили этот камень. Доказывали что исламофобия – совсем не то, что нужно для США. И вот – посмотри. Нам уже удалось вытащить многих ваших братьев из Гуантанамо, и сейчас некоторые сражаются рука об руку с нашими советниками против Каддафи. Разве это не дело?

– Вы хотите, чтобы мы были вашим пушечным мясом, – процедил чеченец.

– Жизнь такая штука, – ушел от ответа американец, – всегда кто-то и кого-то использует. Но страны независимого Кавказа смогут стать друзьями США и пользоваться всеми преимуществами этой дружбы. Россия – нет, ни при каких обстоятельствах. Но для того чтобы твоя родная Ичкерия получила независимость, надо многое сделать и много чем, возможно, придется пожертвовать. Скажи – ты с нами

на этом пути?

Чеченец нехотя кивнул.

– Вот и отлично

– Что тебе нужно?

– Пока немного. У тебя есть знакомые в Иордании в общине? В Сирии?

– Два чеченца на чужбине – всегда знакомы.

– Вот и отлично. Для начала надо найти несколько человек в Сирии, кто умеет стрелять. Справишься?

– Да.

– Вот и отлично. Скажи номер счета, куда тебе перечислить деньги за работу.

– Я – богатый человек. Мне окажут услугу.

Американец усмехнулся

– А я – нет. Если ты богатый человек... делим пятьдесят на пятьдесят, пойдет?

2011 год. Амман, Иордания.

В Амман Адам Оздоев прилетел как личный друг шейха. Караван машин с мигалками подхватил его в аэропорту и понес в город...

Иордания была во многом уникальной ближневосточной страной. Здесь не было нефти но был мирный договор с Израилем и режим наибольшего благоприятствования в торговле с США. Здесь матерью короля была англичанка, дочь полковника, а сам король для развлечения любил лично летать на истребителе и проходить полосу препятствий спецназа – даже в пятьдесят с лишним он без труда это делал. Наконец, в жизни Иордании большую роль занимали черкесские кланы – черкесами тут называли беженцев с Кавказа, бежавших от войны с Россией еще в 19 веке. Из черкесов традиционно набиралась охрана Короля, потому что Король местным бедуинским и арабским племенам не доверял. В иорданском спецназе было много чеченцев, командовал им долгое время тоже чеченец. Он получил два высших военных ордена страны, хотя по статусу никто не мог получить больше одного.

В огромном, специально построенном для местного Мухабаррата комплексе Оздоева ждал Али Мосаад. Человек с сотней лиц, долгое время работавший в самом сердце палестинского сопротивления – и не разоблаченный и не казнен-

ный. Мало кто знал, что если бы не Мосаад – скорее всего в 1982 году произошла бы ядерная война Израиля и всего арабского мира. Сейчас Мосааду было хорошо за семьдесят – но он не утратил ни сноровки, ни злонамеренного, жестокого ума.

Американцы считали Мосаада дружественным игроком, но это было большой ошибкой. Мосаад напоминал Талейрана – он никому и ничему не был верен.

Как в свое время сказал Талейран, когда под его окнами происходила очередная революция – «наши побеждают!» А когда слуга уважительно спросил: «Мессир, а кто такие наши», Талейран ответил: «Это мы узнаем, когда все кончится». Вот, Али Мосаад был примерно таким же... ближневосточным Талейраном.

Но Оздоева он принял в своем кабинете радушно, ахлян-кифак. Разлил по армудам чай.

– Красиво тут... – заметил Оздоев.

– Посмотрите на эти цветы, – сказал Мосаад, – они наполняют душу радостью...

...

– Я имею в виду, посмотрите поближе, мой друг.

Оздоев понял. Двери кабинетов высшего командного состава службы выходили в сад с розовыми кустами. Туда они и вышли.

– Телефон при вас?

– Никогда не делал такой глупости.

Мосаад кивнул.

– Хорошо...

– Американцы хотят что-то сделать в Сирии. Я должен найти несколько снайперов.

– Каких снайперов?

– Чеченских.

Али Мосаад провел руками по лицу, как будто совершал сухое омовение.

– Что вам нужно от нас?

– Укрытие. И помощь. Надо будет перебросить их туда. И вывести обратно. Таких возможностей, как у вас, – нет ни у кого в регионе.

Мосаад еще раз повторил жест.

– Это не для нас нужно. А для американских друзей...

– Перевезти их туда будет можно. Но зачем забирать?

– Это люди моего народа! Я не могу их там бросить!

– Ва... ты не понимаешь, мой друг. Ты начинаешь войну. Зачем тебе выводить твоих снайперов, где они нужны, как не на войне?

...

06 марта 2011 года в городе Дерья, на границе с Иорданией – сирийской авиационной разведкой были задержаны несколько подростков, которые писали на стенах антиправительственные лозунги. Пришедшим к военной части родителям командир сказал: забудьте про этих детей и сделайте себе новых. После этого город взорвался, начались бес-

порядки. Во время похорон погибших демонстрантов – по траурной процессии открыли огонь неизвестные снайперы, они же проявили себя еще в нескольких стычках. 29 марта правительство Сирии ушло в отставку, но события было уже не остановить. Митингующие начали громить здания партии Баас, разгромили офисы телекоммуникационной компании родственника президента, ворвались в тюрьму и освободили заключенных, после чего пошли на штурм воинской части. С крыши офицерского клуба по ним открыли автоматный огонь. После чего оружие стало появляться у митингующих все чаще и чаще, все больше рядового состава переходило на их сторону. Началась гражданская война...

Империя под ударом. 21-23 сентября 202... г. США. Вашингтон-Лэнгли.

Лэнгли – это целый отдельный мир... сложный, плохо доступный для понимания окружающих. Зазеркалье, лабиринт из которого не выбраться.

ЦРУ, созданное в 1947 году – прошло с тех пор долгий и не всегда славный путь. С 2001 года, когда два самолета таранили башни-близнецы, оно получило несколько десятков миллиардов долларов бюджетных ассигнований дополнительно. Стало ли безопаснее?

Афганистан – прос...ли.

Ирак – прос...ли.

Ливию – прос...ли.

Сирию —...

Россию – тем более прос...ли, никто даже не предупредил, когда российские самолеты – вдруг перелетели в Ливию и начали там бомбить. Про захват Крыма – узнали из телевизора.

Китай – прос...ли, причем этот провал был вероятно самым болезненным. ЦРУ – категорически неправильно оценило сроки достижения Китаем такого уровня развития военной мощи, при котором он смог бы реально угрожать аме-

риканским интересам.

Украину – ещё как прос...ли, на самом деле там все с самого начала вышло из-под контроля. Получилась хрестоматийная ситуация, когда хвост виляет собакой. Чем больше на Западе говорили о принципах – тем больше в Киеве цинично использовали эти принципы в своих интересах.

Предсказать угрозу формирования антиамериканского блока Китай-Россия-Иран-Турция – не смогли. Более того – сделали всё для того, чтобы он состоялся.

На Украине после войны так и не удалось установить некое подобие стабильного и достаточно демократического режима, который мог бы по крайней мере содержать себя сам. ЦРУ – категорически неправильно спрогнозировало развитие событий на Майдане в 2014 году, не предвидело войну – но самое плохое то, что ЦРУ не смогло правильно ценить Украину. Как пассив, как то, что требует постоянных усилий и денег, денег, денег.

В 2001 – исламские экстремисты представляли собой довольно изолированную группу численностью максимум несколько сотен человек, и примерно 2-3000 человек на фронте под командованием талибов. Через пятнадцать лет – численность активных боевиков составляла по разным фронтам несколько сот тысяч человек, в том числе не менее 50 тысяч – мобильных, готовых оказаться в любой стране, где потеряна стабильность и управляемость для того, чтобы усугубить ситуацию и начать гражданскую войну. Прак-

тически в каждой западноевропейской стране шел масштабный сбор средств в поддержку исламских экстремистов, действовали радикальные проповедники и своего часа ждали от нескольких сотен до нескольких тысяч местных экстремистов – это если считать только тех, кто имеет боевой опыт, и настолько опасен, что от него в любую минуту можно ждать тяжкого преступления. Всего же численность активно сочувствующих, то есть тех, кто регулярно посещает джихадистские сайты, распространяет по сети экстремистские призывы и как минимум, раз жертвовал деньги – составляла не менее десяти миллионов человек.

Возобновилась Холодная война.

Если бы такие итоги деятельности были у частной компании – то владелец уволил бы весь персонал и директора и набрал бы новый. Но это была не частная компания, это было ЦРУ. Там – были совсем другие соображения...

...

Тодд Баррет был одним из типичных сотрудников ЦРУ. Типичнейших. До того, как все случилось в Чикаго – и он думал, что хотя есть проблемы, всё в принципе идет нормально.

Тодд Баррет родился в Иллинойсе, для того чтобы получить возможность учиться в университете – завербовался в морскую пехоту. Он думал, один срок – и все, и дядя Сэм заплатит за учебу. Но это был 2000 год – а через год все полетело к черту.

В 2003 г. он оказался в составе особого подразделения морской пехоты, охранявшей американское посольство в Кабуле. Времена тогда еще были простые, и если сотрудники станции ЦРУ шли на опасную встречу – то они брали с собой одного-двух морпехов в штатском. И все это стоило бесплатно, потому что морские пехотинцы несли службу, и им и так платили денежное довольствие. Это сейчас для таких дел нанимают частную охрану, а она может брать за такие выезды до десяти, а то и двадцати тысяч долларов в час. И по странному стечению обстоятельств в советах директоров таких компаний сплошь бывшие военные и ЦРУшники.

Тодд много кого повидал – он охранял даже легендарного уже доктора Филиппа Мадда, который учреждал в городе станцию ЦРУ после падения Кабула в конце 2001 года. В конце концов, ЦРУшники заметили ходившего с ними смышленного и выучившего пашту морского пехотинца и предложили после окончания контракта не уходить из армии – а получить за счет дяди Сэма образование по специальности «общественная безопасность» или что-то вроде этого – и идти к ним. Тогда сильно не хватало переводчиков с пашту, потому брали всех, за языки серьезно доплачивали. С ним поговорил сам начальник станции, рассказал, что со знанием языка и всеми доплатами он будет получать уже на позиции кейс-офицера сто двадцать в год с бесплатной медстраховкой. А как старший кейс-офицер – уже сто шестьдесят. Тодд обещал подумать, но все решилось как раз за него. Шарахнул

кризис 2008 года, работы на гражданке не стало совсем – он знал, что его брат, например, работает за сорок пять тысяч в год, и это с высшим образованием. И он решил, что работать за сто двадцать намного лучше.

Он получил заочное образование, прошел курс подготовки на Ферме – и злобещая воронка разведки закрутила его, засасывая на самое дно.

Почти сразу, на первом своем назначении в Ирак он понял, что все не так просто. Те, кто стоял навтыжку при звуках американского гимна, и приносили клятву – в жизни думали о чем угодно, но только не о служении стране. Все занимались какими-то левыми делами, все думали о том, куда они пойдут на пенсии, куда их возьмут. Учителем в провинциальный университет как раньше – уже никто не хотел.

То, что работали на сторону – это было самое безобидное. У всех были какие-то связи на гражданке в бизнесе, в ЧВК. ЧВК – это вообще феномен иракской войны, Дональд Рамсфельд, ставший министром обороны, выдвинул лозунг приватизации войны, а армейских генералов в открытую называл врагами. Моментально – у вашингтонской кольцевой выросли целые стены уродливых бетонных строений, где пилили деньги оборонного бюджета армейские прихватизаторы. Рамсфельд первым делом не забыл про себя – выкупил на фирму, где до назначения был председателем совета директоров, почти новые армейские грузовики, списав их и продал сам себе по цене металлолома. А потом заключил с этой

фирмой по бешеной цене контракт на армейские перевозки в Ираке⁶. Но он был не единственным таким умным. Дербанили все. А так как у частной фирмы разведки быть не может – у всех был свой человек на местной станции ЦРУ, который предоставлял информацию и решал проблемы за деньги и обещание места в совете директоров в будущем.

Многие придумывали себе информаторов, которых на самом деле не было, писали от их имени фиктивные отчеты с уличными слухами – а деньги на оплату информаторов клали в карман. Для того чтобы такого не происходило, в ЦРУ существовали внутренние аудиторы – но это был Ирак, детка. Большая песочница. С аудиторами либо договаривались, либо с теми с кем не удавалось договориться, происходили несчастные случаи. Поехали проверять агента – на месте встречи оказалась засада. Вот и всё.

А те, кто не придумывал – договаривались с местными политиками и лидерами племен, что те якобы побудут информаторами – и делили деньги за информацию и подкуп. Была даже такса для реальных помощников и информаторов. Получил деньги – двадцать процентов надо откатить курирующему офицеру, он тоже хочет кушать. Иначе произойдет утечка информации.

Некоторые просто участвовали вместе с посольскими и с иракцами в разворовывании средств выделяемых на восстановление.

---

⁶ Это правда

Идеалистов там не было. Участвовали все. Те, кто пытался работать честно, а то и не дай Бог сообщить кому то о том, что на самом деле происходит, – либо уходили с плохими формулировками, либо с ними тоже происходили несчастные случаи.

Тодд не хотел, чтобы с ним произошел несчастный случай, и он не хотел работать, как брат. за сорок пять тысяч в год. Потому и он встроился и стал как все.

Второе назначение он получил в Афганистан, старшим кейс-офицером. Там было все то же самое, плюс – местные рыцари плаща и кинжала участвовали в наркотранзите.

Третье назначение он получил в Грузию – уже начальником станции, через голову. Станция в Грузии была базовой для всего кавказского региона, непропорционально большой для такой маленькой страны – и тот, кто получал назначение на грузинскую станцию, знакомился с большим количеством офицеров и аналитиков, учился руководить большим коллективом. Это было промежуточное назначение перед чем-то большим – как раньше, к примеру, Париж.

Тодд отработал два года на грузинской станции и вернулся в Вашингтон. Он уже понимал, за какой пост предстоит бороться – по болезни уходил Герб Вилкинсон, начальник русского управления. Официально – по болезни, неофициально – он перенял у русских традицию пить много водки, и в последнее время не замечать этого было уже невозможно. Вместе с ним претендовали двое, они знали русский, но,

как неофициально ему сказали, есть мнение назначить как раз не профессионального русиста – потому что руководство недовольно отсутствием результатов и постоянными провалами в разведывательных оценках. Но вместо этого...

...

Сообщение об атомном взрыве в Чикаго застало Тодда у его подружки, Синтии Санхилл. Точнее, не подружки – а партнерши, так будет правильнее. Отличие подружки от партнерши в том, что подружке хоть немного, но есть до тебя дело, она строит на тебя какие-то планы, вы время от времени проводите время вместе, ходите куда-то. Ничего этого у них с Синтией не было. Они просто трахались.

С Синтией он познакомился, когда Минюст начал интересоваться иракскими делами, сколько, куда пошло денег и есть ли расписки на все эти деньги. Расписок не было... какого черта, тогда ведь были совсем другие времена. Позади были девяностые... золотая эра Клинтонов, которому пару раз даже удавалось сводить бюджет с профицитом, чего после него не удавалось ни одного американскому президенту. Денег было навалом, Китай был производителем дешевых резиновых тапочек, Путин вилял хвостом и спрашивал, не нужна ли помощь в борьбе с террором. И они пришли в Ирак – как боги, мать твою. Они пришли и разнесли режим дядюшки Сади за две недели, и в его дворцах устроили американские базы... и они не сэкономили, черт побери. Нет, сэр.

Расписок не было. Но они сходили в бар, потом пошли к ней. Потом она вычеркнула его имя из секретного отчета по расследованию миллиардных хищений.

Его начальство все знало. И хоть он не писал отчетов и не устраивал дебрифингов – все прекрасно понимали, что если Контора влипнет в очередную гадость, у них будет возможность. Шанс. Небольшой. Но шанс.

Что касается самой Синтии, то она закончила юридический и пошла работать в Минюст, отлично зная, что в тридцать пять – сорок оттуда уйдет, и будет эксплуатировать наработанные связи в какой-нибудь лоббистской конторе и получать в три – пять раз больше. Ну или продвинется выше – на самые верха Вашингтонской политики. В Вашингтоне всегда в какой-то момент надо делать выбор – взять деньги и уйти или карабкаться дальше, рискуя что сломаешь шею, репутацию и ни черта не получишь. Каждый решал для себя.

А с ним она была, потому что посмотрела «Секс в большом городе», прочитала пару журналов про здоровье женщин и поняла, что для здоровья надо регулярно трахаться. Вот и все. Ни больше, ни меньше...

Сначала это его устраивало. В конце концов, он и сам был не подарок... Какая женщина согласится жить с человеком, которого не бывает дома месяцами, а может и годами? Который ночью просыпается с криком, который ночью кладет пистолет под подушку по старой привычке. Синтии от него был нужен только секс, и он мог его дать – это устраивало обоих.

Но в какой-то момент он вдруг почувствовал, как жизнь... просачивается... как песок между пальцами. И ее становится все меньше и меньше... Это понимание вогнало его в депрессию, которую он пока успешно скрывал и от Синтии, и от начальства. Узнает начальство – отправит на обязательный курс к психологу... то еще дерьмо. А психолог может заключить, что он негоден для работы и... прощай, нахрен карьера. Если узнает Синтия... бросит, наверное. Ей проблемы не нужны.

Итак... это был обычный день... у него в этот день пока ничего не было запланировано... он догуливал свой акклиматизационный отпуск, который предоставляли всем вернувшимся из-за границы... официально считалось что он пишет материалы для дебрифинга по ситуации на Кавказе. Синтия была в душе... а он лежал на кровати и старался ни о чем не думать, ждал своей очереди. Как вдруг зазвонил телефон. Это был телефон Синтии и он проигнорировал его... а он был не такой дурак, чтобы носить с собой сотовый.

Синти вернулась из душа голая – она никогда не стеснялась своей наготы, взяла трубку, послушала и с недоуменным видом протянула ему

– Это тебя.

Он взял трубку... какого хрена? Конечно, в Управлении были люди, которые знали... но это было как минимум невежливо.

– Да.

В трубке раздался голос Вика Здоровецкого, его непосредственного начальника из оперативного директората НСР. Национальная служба разведки – так они теперь правильно назывались, хотя по старинке все их называли ЦРУ

Вик Здоровецкий был тот еще фрукт... ладно, речь не о том.

– Ты где сейчас?

– В городе.

Почему-то такой простой ответ – взбесил Здоровецкого

– Ты что, телек не смотришь?

– Зачем?

– Так включи! – дальше пошел мат, которому Здоровецкий научился у своих родителей, эмигрировавших из СССР. Он занял одну из ключевых должностей в оперативном директорате достаточно случайно и через две головы. Просто новый Директор возмутился тем, что в русском отделе многие сотрудники знают русский настолько плохо, что в переписке их разоблачают даже дети. Вот и начали стремительно продвигать тех, кто знал русский – у Здоровецкого за плечами была всего лишь одна заграничная станция, в Киеве – а его назначили замначальника через голову многих других, прошедших Ирак и Афганистан. В свое время многие по ночам учили пушту и арабский – и вдруг оказалось, что это никому не надо, а на первый план вышли русисты и китаисты.

Здоровецкий владел русским свободно... и вот.

Баррет потянулся к пульта, нажал на кнопку. Увиденное

на экране заставило его замереть от ужаса. Вскрикнула Синтия.

– Это... это где? У нас?

– Чикаго. Семьдесят килотонн...

Увиденное не укладывалось в голове... Господи... Господи... что происходит? Какого хрена это происходит, какого, б..., хрена? Черт бы все побрал. Долбанные ублюдки, какого, мать твою, хрена? Какого черта это здесь...

– Я... я сейчас приеду.

– Нет, нахрен. Все равно Нацгвардия перекрыла дороги, нас сейчас эвакуируют. Ты знаешь, где точка семнадцать?

– Да.

– Отправляйся туда и садись на связь. Нам надо... короче, нам надо всё.

– Я понял, босс.

Он даже не понял, что Здоровецкий фактически подставляет его. Если Вашингтон – следующая цель для удара, то ему конец.

– Всё. Я с тобой свяжусь.

Господи...

Он посмотрел на другую сторону кровати. Синтия плакала, сжавшись в комок. И он совершенно неожиданно для себя, подсел к ней и обнял.

– Ну... чего ты. Все... будет нормально. Мы живы. Мы найдем их. Все будет нормально

– Нет, – каким-то чужим голосом сказала она – не будет.

И он понимал, что это так.

– Что... за что... за что?..

А он отчетливо понимал – за что.

Он видел все своими глазами, Как бомбили горы. Как наносили удары дронами по «моделям подозрительного поведения». Как похищали людей, переправляли в тайные тюрьмы, пытали их...

Он все это видел и во всем в этом принимал участие.

И рано или поздно...

Понимаете, все действия США основывались на подавляющем техническом превосходстве по отношению к противнику. Они сваливались откуда-то с неба на хижины, на деревни, на города. Один американский вертолет мог стоять больше чем все имущество всех жителей афганского города, над которым он пролетал. Они сваливались на них с вертолетами, лазерами, дронами, бронированными машинами – и они побеждали. Не оставляя врагу ни малейшего шанса.

Но они уходили – а ненависть оставалась. Они могли заставить встать на колени, держать руки за головой пока обыскивают дом, но они не могли заставить себя полюбить. Они вызывали ненависть. Лютую. Всепоглощающую. И беспомощность перед парящим в небе дроном – эту ненависть многократно усиливала.

Он знал, что бы ему ответило начальство. Что они на правильной стороне. Что существуют десятки и сотни инструкций, чтобы исключить или свести к минимуму побочный

вред. Да, так и есть. Они, например, специально разработали кинетический «Хеллфайр» для дронов без взрывчатки, но с четырьмя раскрывающимися крыльями – мечами. Чтобы можно было поразить отдельную машину или даже отдельного человека, не причиняя вреда другим.

Вот только афганцам было насрать на все это. И иракцам тоже. Они были чужими для них. А те, кого они убивали – были свои.

А потом – кто-то дал этим ненавидящим ублюдкам атомную бомбу и сказал – действуйте.

Или они украли. Но как бы то ни было...

– Господи... я должна... ехать на работу. Надо...

– Не надо – сказал он – идет эвакуация. Поехали. Я отвезу тебя.

...

На улицах уже было не протолкнуться. Метро пока еще работало, но люди шли и пешком. Многие плакали.

Морская пехота и Национальная гвардия – пытались регулировать движение, занимая перекрестки. Многие были в костюмах для защиты от ОМП.

Он притормозил рядом с Хаммером, подозвал белобрысого парня с М4, показал АйДи.

– Мне надо проехать.

– Сэр, идет эвакуация.

– Свяжись с начальством. Здесь есть федеральный код, зачитай его им, пусть вобьют в базу.

На их АйДи слова ЦРУ не было.

Морпех обернулся быстро, навел справки у командирской бронемашины, вернулся.

– Можете ехать, – и прибавил: – Ублюдки...

– Что? – не понял Баррет.

– Ублюдки, – морпех, молодой и белобрысый зло смотрел на него. – Какого черта вы делали, если с нами такое произошло, а? За что вам платят такие бабки? Какого хрена?

И Тодд Баррет не нашел что ответить. Он просто забрал свой ID и тронулся с места

...

Точка семнадцать – или семнадцатый пункт безопасности – был трехэтажным зданием у Кольцевой. Ничем не примечательное, со складом, но внутри запасной командный центр, запасы на случай ЧС...

Несколько человек уже были там. Кое-кого он даже знал.

– Капитан на мостике, – шутливо крикнул Шорти, когда он появился в небольшом помещении без окон. С Шорти он был знаком по Москве.

– Заткнись Шорти, – устало сказал он. – Что у нас есть на сейчас?

– Ответственность никто не взял, по крайней мере, пока, – сказал Шорти. – Уровень опасности красный. Сейчас пытаются определить ущерб... «Коленная чашечка» в воздухе⁷,

---

⁷ Самолет судного дня – летающий штаб управления стратегическими силами. Это его сленговое название.

но, похоже, что мы больше не под ударом.

– Похоже, б...

– Сэр, взгляните на это... – крикнул другой оператор

Баррет подошел. Канал был настроен на Аль-Джазиру. Понятно, экстренный выпуск... сейчас все выпуски в мире экстренные. Показывали Ирак... чертов Ирак, чертова песочница. Там была гражданская война между шиитами и суннитами... но сейчас показывали, как шииты и сунниты, забыв обиды и разногласия – выходили на улицы, с флагами, с файерами, с наспех нарисованными плакатами «Смерть Америке!». Совершенно незнакомые люди – обнимались, плакали от радости...

А они, стоя на другом конце земли, в городе который почти наверняка подвергнется второй атаке, если та будет – стояли и смотрели на все на это, не зная, что сказать.

– Это по всем каналам, сэр. По всему Востоку и не только

...

– Какого черта, сэр? – сказал один из техников. – Какого черта мы не можем просто стереть их с лица земли?

– Заткнись, – сказал другой техник.

– Сам заткнись! Мы ведь служим... для чего мы служим?

– Замолчите! – резко сказал Баррет – хватит.

Ему вдруг показалось, что он стоит на краю какой-то огромной ямы. И в яме этой... живая чернота. Живая. Пульсирующая. Шевелящаяся.

Живая...

– Все за работу, – сказал он. – У нас есть долг, его никто не отменял. И ... пишите все эфиры. Все, какие есть. Кое-кому стоит это увидеть. Потом.

Про себя он подумал – если это потом будет.

...

Прошло два дня.

За это время кое-что прояснилось – кое-что. Террорист – одиночка. Новая, ни с кем не связанная группа. Одиночная атака – их больше не атаковали.

Все лидеры мира официально выразили сочувствие США, многие сказали, что потрясены случившимся, и готовы оказать любую помощь. Но это не отменило того факта, что по всему арабскому востоку, по некоторым странам Азии и Африки, по России прокатилась волна антиамериканских демонстраций. Люди радовались, плакали от счастья.

Девять тысяч человек сгорели в одну секунду. Как показали первые итоги расследования – по неизвестной причине террорист активировал заряд на территории чикагской субурбии, хотя ему не так много оставалось ехать до деловых районов. Если бы он прорвался в район небоскребов – число жертв было бы больше десятикратно. Взрыв произошел мало того, что в субурбии – так еще и в рабочий день, многие в это время были на работе и потому выжили.

Число раненых и обожженных превысило сто тысяч и продолжало расти.

После того, как первоначальный шок схлынул, на его ме-

сто пришла ярость. Кто-то должен был быть виновным в том, что с ними произошло. Настало время озлобленности и взаимных обвинений...

...

Они собрались внизу, в здании гаража – там сейчас был развернут пункт безопасности. Светили фонари. Их было много... управление разрослось в последнее время, приняли новые штаты. Но это, увы, не помогло.

На импровизированную трибуну поднялся Директор. Он был кадровым разведчиком, традиция назначать на должность директора политиков была изжита – уже несколько крайних директоров ЦРУ были кадровыми спецслужбистами. Ему передали мегафон, он молчал, собираясь с мыслями. Потом заговорил.

– Господа... и дамы, собравшиеся здесь. – Он снова замолчал. Тем, кто стоял в первых рядах – было видно, что директор ЦРУ с трудом сдерживает слезы. Наконец он снова заговорил: – Мы не смогли защитить нашу страну. Наш народ. Наш образ жизни. По нам снова был нанесен страшный удар. Его последствия будут ощущаться десятилетиями. Единственное, что пока нам удастся сохранить – наша свобода. Я принимаю на себя всю полноту ответственности за произошедшее и с сегодняшнего дня я ухожу в отставку. Я не хочу, чтобы кто-либо из вас повторил это. Но я хочу, чтобы вы остались на своих постах и сделали... – Директор все же не сдержался: – Сделали все, чтобы наказать негодяев, подло

и трусливо убивших и ранивших более ста тысяч американцев. Вы, джентльмены, – не должны останавливаться, пока не найдете и не покараете каждого из них. У меня все. А теперь, давайте просто постоим и помолчим, в память о каждом, кто погиб в Чикаго. Мы будем помнить. Мы отомстим...

...

В ЦРУ, как и в любой другой бюрократической структуре – люди образовывали группы по интересам, связанные неформальной иерархией и подчинением кому-то наверху. Босс шел вперед – он расставлял по местам лично преданных ему людей. Босс падал – вместе с ним прокаженными становились и те, кто шел за ним. Им оставалось лишь дорабатывать свой срок – если кто-то не подбирал их, не брал в свою команду.

Тодд относился к команде бывшего замдиректора ЦРУ Роланда Кирша. Мастодонт разведки, его настоящая фамилия была Киркотян. Частично француз, частично немец, частично армянин, его родители сочли за лучшее в 1972 году покинуть Бейрут, когда схватились палестинцы с христианскими милициями отца и сына Жмаэлей и Тони Франжье и начались уличные бои – но сам Кирш родился уже в США. Бывший начальник московской, бейрутской и багдадской станций он среди знающих людей в ЦРУ имел прозвище «мистер двадцать». Потому что говорят, именно он первым взял у агента двадцать процентов от гонорара за хорошее к нему отношение. Скорее всего, именно Кирш придумал

мал и другие формы коррупции. И он ушел из ЦРУ ровно тогда, когда Конгресс США начал закрытые слушания по проверке расходования средств на восстановление Ирака...

Сейчас Роланд Кириш был одним из королей кольцевой дороги – так называли тех, кто жирел на государственных подрядах по безопасности, тех, кто строил все эти серые бетонные глыбы-офисы. У него была собственная компания по анализу рисков и обеспечению безопасности Risk assessment Ink, доли еще в нескольких компаниях, которыми владели другие люди, а так же места в советах директоров более чем десятка фирм, в том числе и такой, которая, например, занималась производством детской одежды. По каждому из этих мест он получал солидные гонорары и жалование, и жил припеваючи, особенно по вашингтонским меркам. Он ездил на Мерседесе-600, что в Вашингтоне было вызовом обществу – но сейчас он был не госслужащим и мог себе позволить на общество плевать.

И, конечно же, когда целый район в Чикаго сгорел в атомном огне, и стало понятно, что в кадрах спецслужб будут кардинальные перетряски, люди, которых он поднял и которых вывел на самую вершину подлунного мира разведки – после брифинга в гараже ЦРУ поспешили на кольцевую. Поговорить, послушать, к руке приложиться...

Много кто там был. И Боб Хосса из ФБР – к счастью, он избежал назначения в антитеррористический отдел и потому сейчас мог не бояться за кресло. И Том Милентич из Ми-

нистерства обороны – он занимался вопросами разведки на Ближнем Востоке в новом агентстве DIA, на которое Пентагон получил деньги. И он сам, Тодд Баррет из ЦРУ, который с его крайним грузинским назначением мог рассчитывать на очень серьезный пост сейчас, когда головы посыплются.

Ведь идиотам-политикам, которые правят бал в Вашингтоне и окрестностях, и невдомек, что вопрос не в политической ответственности директоров агентств и даже не в конкретных людях, допустивших конкретные ошибки и которые теперь должны за них ответить. Вопрос в том, что система сгнила целиком и никакие новые назначения не поправят ситуации. С тех пор, как разведка, как война стала одним из бизнесов, как стало возможным на основании разведоценок принимать решения, стоимостью в десятки и сотни миллионов, а иногда и миллиардов долларов, как только получилось, что итогом работы в ЦРУ может стать пост члена совета директоров крупной компании – а может и не стать. Вот именно тогда система начала гнить и сгнила полностью. И ее уже не исправишь, как и людей в ней работающих. А создавая новую систему – надо учитывать ошибки старой, чтобы то что случилось – не повторилось и с ней.

Понятно, что Кириш не захотел разговаривать в офисе – мало ли кто может слушать. Они поехали на поле для гольфа – тут таких много было в окрестностях. Гольф – хорошая, неспешная игра, на местных полях, за игрой и неспешной беседой распределялись, перераспределялись, расточи-

тельно расходовались и просто разбазаривались миллиарды долларов налогоплательщиков. Америка платила, потом еще раз платила и еще раз платила – но уплаченные налоги не превращались в новые дороги, школы, больницы. Кстати, нет, как раз таки превращались, но в провинции Кандагар, а не в штате Джорджия, и все потому что в Кандагаре проверять построенное будут меньше, а украсть при строительстве можно намного больше. Американское лидерство обходилось США все дороже и дороже, но США с гордостью несли это знамя, расходуя по всему миру на то чтобы убивать, потом спасать, потом опять убивать, на то чтобы купить ракетные комплексы Украине, построить туалеты страдающему от антисанитарии населению Конго – короче говоря, на все и на всех кроме собственных граждан. И важной частью всего этого процесса были американские спецслужбы – от них зависело, где Америка завтра будет убивать, а где спасать, кто из диктаторов должен уйти, а кто остаться.

На поле – никого не было. Американский флаг на флагштоке был приспущен и декорирован черной лентой. В баре гольф-клуба была тридцатипроцентная скидка на выпивку...

– Этот парень... – Кирш явно взял быка за рога, заодно демонстрируя свою осведомленность – он ведь не появился из ниоткуда, верно? Как мы его могли пропустить? Откуда у него бомба?

– Здесь не все так просто, сэр – сказал Милентич, тща-

тельно подбирая слова

– Тогда расскажите с подробностями – сказал бывший замдиректора – я жду

– Вы помните Факел, сэр?

– Нет.

Баррет подумал, что замдиректора, скорее всего, лжет. Все он помнил.

– Операция по подготовке ударных групп сирийской оппозиции. Нацеленных на штурм центра Дамаска, захват дворца Асадов и министерств...

– Иордания?

– Она самая. Иордания предоставила территорию и поддержку...

– И вы хотите сказать...

– Да, сэр. Он был одним из тех, кого мы подготовили...

Наступило тяжелое молчание. Все молча шли к другой лунке и понимали, что все это значит. Конгресс уже начинал задавать вопросы по Сирии – а в свое время там обосрались здорово. Но тогда это пресекли.

Если же сейчас Конгрессу станет известно, что лидер террористов, который взорвал Чикаго – прошел подготовку на американской базе и за американские деньги – их просто распнут. Разорвут на части. Ликвидируют Агентство, а они все пойдут под суд.

Если же узнает пресса... их просто уничтожат.

Но пока что они в седле...

– Откуда у него бомба?

– Мы не знаем.

– Где сейчас этот... человек? – спросил замдиректора.

– Мы не знаем...

– Я не тебя спрашиваю!

Замдиректора повернулся к Баррету, тот пожал плечами.

– Понятия не имею. Под него создается отдельная станция, экстерриториальная, как по Бен Ладену. Когда примем дела, будет что-то понятно.

Замдиректора внезапно утратил к этому интерес, снова повернулся к Милентичу.

– Для начала – кто готовил этих людей. Записи велись?

Милентич покачал головой.

– Нет, сэр.

– Уверен? А финансирование?

– Внешнее, сэр. Саудовские деньги.

– Полностью?

– Да, сэр, на сто процентов.

Замдиректора выдохнул:

– Это намного лучше. Значит, по деньгам не проследить.

Кого мы нанимали?

– Частников. Там были пакистанские военные и наши.

– Пакистанские?

– Да, Черные ружья.

Замдиректора кивнул.

– Хорошо. Я позвоню генералу Джизаку, мы все решим.

А тебе надо составить список американцев, кто там был.

– Ясно, сэр.

– Надо сделать все, чтобы найти этого ублюдка.

Но Тодд Баррет опять почувствовал ложь.

Кирш никогда и ничего не говорил и не делал просто так.

Он посмотрел на руки шефа... у них был свой код, азбука морзе, но пальцами, если научиться, то можно делать совсем незаметно... это был их фирменный трюк, такому на Ферме не обучают. И заметил, что шеф дает ему сигнал...

...

Описав круг по кольцевой – Тодд Баррет подъехал к офису Кирша вновь, про себя недоумевая, почему шеф выбрал именно его, почему именно ему – дал знак. Это свидетельство особого доверия? Или попытка засунуть в мясорубку?

Замдиректора он нашел на террасе, которая была обустроена на плоской крыше. Он курил «Житан» – любимые европейские сигареты...

– Ты сейчас где? – спросил он, смотря в сторону Лэнгли и летающего над лесом вертолета.

– В оперативном директорате. Временно приписан к команде Здоровецкого.

– Это кто?

– Выскочка. Бывший зам на киевской станции. Сейчас замначальника

Замдиректора Киршу – ответ понравился – и Баррет знал, что он ему понравится. Кирш проявлял лояльность лишь на

словах – по факту же он думал, что после его ухода остались одни дебилы, и ему было приятно получать подтверждения этого с чужих слов.

В каком то смысле, так оно и было. Никто не мог сравниться с Киршем по злонамеренности мыслей и действий. По изощренности злой воли. Таким и должен быть разведчик... просто нюанс в том, что... на кого ты направляешь эту злонамеренность? На врага? На коллег? На оперативный бюджет?

– Так, чтобы ты понимал. Сегодня утром мне звонила Карла Брауден. Ты понимаешь, что это значит?

Карла Брауден была начальником штаба президентской администрации. Все назначения проходили через нее.

– Пока не известно, сэр?

– Она знает, на что я соглашусь, а на что нет. Я уже не просто парень с кинжалом в зубах, я – политическая величина.

Баррет смоделировал... значит, не замдиректора. Есть три должности, о которых может идти речь, и все три освобождаются. Это директор НТС, Министр безопасности Родины и Царь разведки (правильно Директор национальной разведки). Последняя должность – была создана при Буше для его доверенного лица Джона Негропонте. Эту должность – может занимать лицо с обширным опытом в области разведки, но в, то же время он должен быть политиком.

Политиком...

– Ты правильно понял, – ответил на незаданный вопрос

Кириш, – возвращайся в управление. Напиши мемку о том, что просишь включить тебя в межведомственную оперативную группу. Я прослежу, чтобы тебя включили.

– Спасибо...

Кириш внимательно посмотрел на него.

– Ты достаточно давно варишься в этой каше, чтобы понимать некоторые вещи. Например – что нельзя руководить сплоченной и идущей к цели группой людей, не будучи ее частью, то есть сверху. Ты понимаешь это?

– Да, сэр.

– Руководитель, который не знает, что происходит – только делает вид что руководит. Мне нужен взгляд изнутри, на то, что происходит в группе.

Он понял. Ему предлагали стучать.

– Поэтому ты будешь неофициально, не афишируя это, докладывать мне о том, что происходит, как идет расследование – всё.

Кириш внимательно смотрел на него. Баррет понимал, что это путь наверх. И что Кириш может его уничтожить в несколько дней. Он имеет отношение ко всему, что происходило за последние двадцать лет. К хищениям. К разбазариванию. К растратам. К дербану.

Только, если потребуется, виновным сделают его. За все. И за свое и за чужое. И не отвертеться.

Но и выхода другого у него нет. Если он откажется – его сделают во всем виноватым прямо сейчас. Они все наделали

дел – вопрос, кто будет отвечать.

– Я с вами, сэр.

– Вот и молодец.

Кирш не стал протягивать руку для поцелуя. Он не любил мелодраматические эффекты. Но Баррет и без того понимал, что его поймали. И что надо выпить – иначе он не сможет уснуть.

Плохо спится, когда ты думаешь, какое же ты в сущности дерьмо...

27 сентября 202... г. США.

Северная Каролина

Кириш стал директором национальной разведки...

Созданную группу назвали TF800 – восьмисотая целевая группа. Ее возглавил бывший директор ЦРУ и отставной генерал армии США Дейв Вудроу. Среди своих он был известен повышенной приспособляемостью – еще во время учебы в Вест-пойнте он женился на дочери генерала, суперинтенданта академии. После чего с продвижением по службе у него никогда не было проблем, и он стал одним из самых молодых генералов в истории США.

Но речь сейчас шла не о нем. В группе вообще было мало людей с безупречной репутацией.

В группе было несколько направлений, кто-то занимался деньгами, кто-то ядерным оружием, кто-то связями террористов. Тодд Баррет неожиданно даже сам для себя попал на самостоятельную должность супервайзера группы, занимавшейся контактами террористов с известными террористическими группами. Не было сомнений в том, что попасть на эту позицию ему помогли. И за это назначение ему придется расплачиваться. Возможно, быстрее, чем он думает.

Им отвели целое огромное здание в сельской местности, похожее на огромный торговый центр – но это было одно

из зданий принадлежащих Министерству безопасности Родины. Они, а так же FEMA, федеральное агентство по управлению в чрезвычайных ситуациях – взяли все в свои руки и у ЦРУ – было относительно немного кадровых успехов. Баррет понимал, что неофициально их считают едва ли не главными виновниками произошедшего, и рано или поздно вопрос о реорганизации, сокращении финансирования или даже роспуске ЦРУ – встанет. Их уже реорганизовали в две тысячи шестом – так что всем до сих пор икается.

Судьба Управления – зависела, в том числе и от него.

Им отвели большое, пустое помещение с потолками высотой двадцать футов. Там не было никаких стен, они поставили временные перегородки с толстой полиэтиленовой пленкой вместо стен – как в Баграме. И как в Баграме – Билл Понятовски, их боевой компьютерщик⁸ – кинул провода прямо по бетонному полу, прикрыв специальными крышками, о которые все запинались.

Окон не было. Постоянно горел свет... неприятный, рентгеновский какой-то – как там. Но сейчас его погасили.

– Так... внимание на экран.

На экране появилось фото. Обычное, то есть не сделанное при помощи специальной аппаратуры – такие фотки размещают в социальных сетях. На ней – молодой человек, от

---

⁸ Существует теперь и такая работа – боевой программист, боевой системный администратор. И если программисты получают много, у этих зарплата может доходить до 3-5 тысяч долларов. В день.

тридцати до сорока. Простые очки, какое-то растерянное выражение лица, при этом доброе. Лицо широкое, короткая борода, клочковатая такая, усов нет. Совершенно не похож на террориста, несмотря на шапочку и явно мусульманское одеяние.

Баррет, который не страдал политкорректностью и раньше, а после Ирака забыл, что это такое, машинально определил для себя сущность этого человека – задрот. Таких третируют в школе сверстники, таким не дают девчонки. Причина – наверное, лишний вес, но и в целом – не тот характер. Женщины любят альфа-самцов, а этот ни хрена не такой. Баррет знал, что есть люди с характером белой вороны, обреченные быть изгоями. Вот это один из них.

Все это переживают. Некоторые становятся священниками и врачами. Некоторых пожалеет какая-то девчонка, и они становятся счастливыми подкаблучниками. Некоторые на всю жизнь озлобляются – но на реальные действия, чтобы отомстить обществу решаются очень немногие. Эти люди на самом деле могут быть очень жестокими, копившаяся в них ярость сказывается и если они переходят какую-то внутреннюю черту – уголовнику рядом с ними становится нечего делать. Если это происходит – происходят жуткие вещи, такие как расстрелы в школах или в магазинах. Или действия маньяков, погружающих в страх и ужас, целые графства и города.

Этот же пошел куда дальше. Сжег полгорода...

Докладывала по подозреваемому Алиса Дейли, из отдела по борьбе с терроризмом ФБР. Ничего так дамочка, он навел про нее справки – говорили, что она довела своего первого напарника до самоубийства. Баррет подозревал, что ФБР подслало ее в группу с той же целью, с какой ЦРУ подслало его самого. Следить, что происходит, и если что-то угрожает Управлению – блокировать и уничтожать информацию на самой ранней ее стадии.

Вопрос, кто будет отвечать за то, что случилось, был первым на повестке дня и все понимали, что он даже более важен, чем поиск и наказание виновников. Отвечать никому не хотелось и любое агентство в Вашингтоне – будет готово на все, чтобы обелить себя и спихнуть все на другого...

– ... на изображении Адам Фротман, тридцать шесть, в джихадистском сообществе известен как Абу Адам аль-Амрики, то есть отец Адама, американец. Происходит из богатой и влиятельной еврейской семьи Фротманов, которые относятся к хасидам, не признающим законность государства Израиль. Его дед, Берл Фротман в восемьдесят втором году привлекался к ответственности за финансовую поддержку палестинских исламских групп сопротивления, признанных террористическими, но уголовные обвинения не предъявлялись. Большинство членов семьи живет в Нью-Йорке, хотя их семейное гнездо находится в Кирьяс-Джоэле...

«Господи... – подумал Баррет – только этого дерьма нам

тут и не хватало. Мало в деле американских джихадистов, так еще в нем, оказывается, есть и соблюдающие евреи. Черт бы все побрал...»

– ... Фротман, закончил Джорджтаунский университет по факультету «журналистика и связи с общественностью». ФБР проводит опрос его одноклассников – все они описывают его, как скованного в общении, но, в общем-то, доброго малого без признаков социопатии. У него нет никакого криминального рекорда – вообще ничего, даже задержаний за рулем в пьяном виде.

Идеальный гражданин. Еврей без криминального рекорда. Просто ему, видимо, не давали девчонки. И потому он принял радикальный ислам и встал на джихад. А потом взорвал Чикаго атомной бомбой.

– В 2012 году Адам Фротман вылетел в Лондон, оттуда в Стамбул, с территории Турции нелегально пересек границу и присоединился к организации Исламское государство⁹. Нет никаких свидетельств того, что он лично и непосредственно принимал участие в террористической деятельности, однако по данным ФБР он принимал прямое и непосредственное участие в организации сети пропаганды Исламского государства, отвечал за пропаганду на английском языке. Судя по его кличке – на территории ИГ он женился и у него появился как минимум один ребенок.

В 2017 году ФБР арестовало Фротмана в нью-йоркском

---

⁹ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

аэропорту JFK при прохождении контроля, ему были предъявлены обвинения по тридцати семи пунктам, в том числе в измене родине и терроризме. На допросе он изъявил желание сотрудничать и сообщил, что разочаровался в джихаде из-за массовых проявлений жестокости по отношению к мирному населению, и последний год удерживался на территории Исламского государства насильно, а после падения Ракки ему удалось бежать. Он так же сообщил о нескольких других американцах, которые принимали участие в деятельности Исламского государства. Благодаря этому, а так же тому, что личное участие Фротмана в актах насилия никогда не было доказано, прокуратура сняла большую часть обвинений. Он был признан виновным в незаконном владении оружием, призывах к насилию, и приговорен по соглашению сторон к полугоду тюрьмы, штрафу в двести тысяч долларов США и посещению курсов социальной адаптации. Наказание он отбыл, после чего исчез из поля зрения ФБР...

Господи Боже мой. Пропагандист Исламского государства, который снимал на камеру, как людям отрезают головы, – приговаривается к шести месяцам лишения свободы и штрафу в двести штук, после чего его отпускают на волю, в общество. Эта страна свихнулась.

– ... ФБР считает, что вероятнее всего именно Адам Фротман находился за рулем грузовика, перевозившего ядерное взрывное устройство. Судя по тем данным, которые удалось спасти – а один полицейский дорожный патруль

попытался остановить подозрительный грузовик – Фротман действовал не один... Таким образом, у нас есть достаточные основания полагать, что на территории КОНУСа¹⁰ продолжают действовать активные террористические ячейки Исламского государства, и нельзя исключать, что у них есть еще одно или несколько ядерных взрывных устройств...

...

Кормили их плохо.

Это было недалеко от военной базы и питание им обеспечивала та же самая фирма, которая кормила военных и по тем же самым стандартам. А это означало – большой поднос с углублениями, как в тюрьме и жирное, несъедобное хрущево в две с половиной тысячи калорий в порции. Просто замечательно! Тодд Баррет с тоской вспомнил их коллективную жалобу на питание в кафетерии в контртеррористическом центре имени Джорджа Буша – там, в частности, было написано, что в джаз-салате виноград сорта Сонома без предупреждения заменили на томаты черри, что чай из автоматов невкусный, что кетчуп и горчица из дозаторов тоже никуда не годятся, и что порции острой куриной грудки слишком маленькие. Какие были времена...

– О, какие люди...

Баррет с раздражением взглянул на человека, который присел напротив него с подносом.

– Хорошие манеры предполагают просить разрешения

---

¹⁰ Континентальная часть США, KONUS

сесть, прежде чем садиться. Но в Пентагоне это неведомо, не правда ли?

– Я уже не работаю на Пентагон.

– Как интересно. И где же ты работаешь?

– Минюст.

– Туда пускают после Пентагона?

– Мне интересно, как сюда попал ты. Не подскажешь?

– Если коротко, Дик, – да пошел ты. Умник сраный. Занимайся лучше правами маргинальных групп и преследованием монополистов или чем там у вас занимаются?

Дик – показал указательным пальцем на них, усмехнулся и встал, чтобы пересесть на другое место. Это было выражением угрозы.

– Дерьма кусок... – выругался Вал, агент защиты ЦРУ, сидевший рядом – как он тут-то оказался?

– Помнишь, чем он занимался в Ираке? – спросил Баррет.

– Искал ОМП Саддама.

– Вот именно. Возглавлял оперативную группу морпехов, которые занимались поиском ОМП. Вот из-за ОМП – его к нам и сунули.

Про себя Баррет подумал – то, что Дик Стенланд тут, это очень хреново. Очень. Он еще в Ираке доставлял проблемы. В присутствии генерала на брифинге встал и сказал, что никакого оружия массового поражения нет, и вся эта история – дерьмо собачье. И если он остался таким же – а он остался – то это означает большие для них проблемы.

28 сентября 202... г. США. Кирьяс-Джоэль, недалеко от Нью-Йорка.

Они стояли на обочине. Караван федеральных джипов «Субурбан» с выключенными пока мигалками, дорожные крейсеры местного управления шерифа и полиции штата, два броневика местной команды SWAT. Было прохладно, но сухо. Типичная местная осень...

Местный шериф – по виду мужик упертый, крутой, скорее всего отслуживший – жестко втолковывал что-то окружившим его федералам. Тодд Баррет, который ради этого рейда не переделся в форму и так и был в костюме и при галстукe – протолкнулся поближе, чтобы послушать.

– ... мы не вышибаем двери, не кладем никого лицом в пол и не заворачиваем руки. Мы стучим в дверь и просим разрешения войти, показываем документы и говорим, что мы должны сделать. Никакой грубости, всем понятно. И не тыкать стволами во все стороны.

– Шериф, этот парень изжарил заживо двадцать тысяч...

– Мне плевать, что сделал этот парень, его там нет. Но там есть мои избиратели¹¹, это приличные люди, там много детей. И я, мать вашу, не потерплю здесь ковбойского вестер-

---

¹¹ В США должность шерифа выборная как кстати и местного судьи и многих других чиновников.

на. Если кто-то переступит черту, я его арестую, и клянусь Богом, буду держать, пока не будет федерального ордера, и пока мне его не привезут на бумаге. А это дело долгое...

Баррет сплюнул и пошел к «Субурбану». Все-таки он был одет легче других, а в глубинке да по утрам – уже было ощутимо прохладно.

– Что там, шеф? – спросил Вал, агент защиты ЦРУ и бывший морской котик, сидевший за рулем

– Местный шериф качает права.

Вал фыркнул.

– Нашел время.

– Мы уйдем, а ему тут жить.

– Да...

...

– Поверить не могу, что есть евреи, поддерживающие палестинцев. Это как вообще, а?

Баррет с видом умудренного жизнью аксакала – пожал плечами.

– В Йемене есть типы, которые раз в два года берут кувалды и целый день громят собственные деревни. Это у них такой праздник – праздник обновления. Чтобы построить что-то новое, надо разрушить старое. В мире много всего странного.

...

Примерно через двадцать минут головные машины каравана, без сирен, но с мигалками, освещая синими всполоха-

ми тихие улицы, вкатился в Кирьяс-Джоэль.

Это было очень странное место. Небольшой городок на частной земле близ Нью-Йорка, где живут только соблюдающие евреи – хасиды. Большие дома, дешевые минивэны и джипы – в еврейских семьях не редкость семь – восемь детей, автобусные остановки – автобусы принадлежали общине, они отвозили желающих в Нью-Йорк и обратно. Это место можно было бы принять за гнездо общины амишей, если бы не современные автомобили – евреи были не против современной техники.

А конкретно эти – были против Израиля. Это потому, что они считали – создание еврейского государства до прихода на землю Мошиаха – есть преступление. Потому многие вешали над дверью не израильский, а палестинский флаг.

Им не препятствовали. Но и рады не были. Пока они катились по тихим улицам – по краям дороги стояли люди, все в черном, в шляпах. Рядом с ними всегда были дети, много детей. Они недобрыми взглядами провожали федеральные машины, и было видно, что им тут не рады.

Бам! В стекло угодил камень или что-то еще, но так как стекло было бронированным, камень отскочил не оставив отметины.

– Притормози – сказал Баррет – не лезь на рожон, не приближайся...

Их Субурбан притормозил, потом остановился. Баррет достал свой планшет, начал что-то искать

– Что вы ищете, сэр

– Церковь. Или как там у них...

– Синагога, – слышалось с заднего сидения.

– Во-во. Синагога.

...

– Не следует идти по стопам других.

...

Евреи отнеслись к их визиту совсем недоброжелательно...

Все они были соблюдающими – меховые шапки, все в черном, на ногах вместо брюк какие-то гольфы, в руках камни. Не только арабы рождаются с камнями в руках – евреи не отстают. Но сейчас время было совсем другое.

Когда камни полетели в сторону машин, спецназовцы в ответ долбанули несколько человек Тазерами, а потом применили оружие. Один из ешиботников был ранен в ногу, другой в живот. Этого евреи не ожидали – камни кидать они перестали, но и сотрудничать не собирались. Кто-то пытался фотографировать, кто-то истерил, перекрикивая полицейские сирены.

– Что будем делать? – спросила Алиса

– Понятия не имею. Но я точно знаю, что мы делать не будем...

...

– Давай, найдем тут школу, или что-то в этом роде.

Иешиву – религиозную школу – они нашли. Но им там

тоже не были рады...

– Что вам здесь надо? Уходите отсюда.

Баррет медленно выставил перед собой руки, ладонями вверх.

– Мир вам.

– Что вам надо? – повторил еврейский ребе, но уже без особой агрессивности. – Здесь вам не рады, уходите отсюда

– Я просто хочу поговорить. Я не буду ничего громить и никуда не буду врываться. Я ничего не заберу у вас. Я не принадлежу к вашей вере, но я хочу поговорить. Разве вы не можете со мной просто поговорить? Разве это плохо?

Ребе колебался.

– О чем вы ходите поговорить?

– Об Адаме Фротмане.

– Я ничего не знаю о нем! – Агрессивность вернулась.

– Я ни в чем вас не обвиняю. Но он вырос здесь. Разве вы не можете просто рассказать о нем? Каким он был? Как жил? Как рос?

Ребе подумал, потом кивнул.

– Хорошо, идите за мной.

В местной молельне они разговаривать не стали. Ребе привел их в какое-то место, похожее на небольшой клуб – со столовой, но без бара со спиртным. Сказал что-то на местном наречье, им принесли чая.

– Здесь вам не рады, – сказал он.

– Это мы уже поняли, – сказал Баррет.

– Зачем вы пришли? Вы знаете, какой сейчас день?

– Нет, не знаем. Но мы вынуждены выполнять закон, – Баррет быстро перевел разговор на другую тему: – Вы знали Адама Фротмана? Какой он был? Я не жду от вас, что вы будете вспоминать про него плохое и рисовать монстром. Расскажите, вы помните его?

– Мой отец его обрезал, – мрачно сказал Ребе. – Кто же знал, что он станет таким?

– В какой семье он вырос? Может его били в детстве?

– Семья Фротманов очень уважаемая семья. Мы много раз праздновали вместе еврейские праздники, и в их доме и в нашем... его никогда не били. Он...

Ребе задумался.

– Знаете... мы часто говорили. Я думал... он пойдет по пути праведников. Получит религиозное образование. Станет ребе.

– Почему вы так думали? – осторожно спросил Баррет

– Он... знаете, мы с ним много спорили. Наша религия очень сложная. Существует множество книг. Так вот, когда мы с ним спорили – Адам никогда ничего не принимал на веру, он требовал показать то место в книге, на которое я ссылаюсь. Меня это иногда так злило...

– О чем вы спорили?

– О чем спорят люди? О добре, о зле. Об истине. У Фротманов в роду ведь тоже были рэбе. Они связаны родственными связями с династией Тверских из Чернобыля. Вот по-

чему это очень уважаемая семья.

Баррет с большим трудом сохранил бесстрастное выражение лица.

– Простите, я не расслышал. Тверские из...

– Чернобыля. Это такой город на Украине, когда-то почти полностью еврейский. Тверские – очень уважаемая династия, из них происходит Нахум Великий, из них рэбе Арон. Адам, кстати, хотел посетить Чернобыль. Он хотел увидеть место, откуда родом его семья.

И посетил?

– А что еще вы помните про него? Почему он уехал отсюда, почему решил учиться на журналиста?

Ребе долго молчал.

– Что еще я помню об Адаме... он очень болезненно воспринимал любую несправедливость. Очень. Он... вы мне не поверите.

– Поверим.

– Он говорил, что он против насилия. Говорил, что если на несправедливость отвечать насилием, это порождает новую и новую несправедливость. Он говорил, что словом можно добиться намного большего. Потому и пошел на журналиста.

Ребе вдруг закрыл лицо руками.

– Я не могу понять, как он мог так поступить... не могу... не могу... Ну, в общем-то, до какого-то момента он был верен себе. Даже там, в Ракке – он не взял в руки автомат, а воз-

главил пропаганду. Словом действительно можно добиться очень и очень многого... кто знает, скольких он подтолкнул к пропасти...

Баррет выждал момент.

– Еще пара вопросов, если позволите. Я понимаю, как вам тяжело, но... У него была девушка?.. Знакомая? Вы знаете кого-то?

– Не знаю. Я никогда рядом с ним никого не видел.

– Где он жил в Нью-Йорке? Вы бывали там, где он жил? Видели что-то?

– Он... мне писал...

– Я могу узнать адрес?

Ребе полез в карман.

– Это не совсем здесь приветствуется, сотовая связь, но...

...

Обратно ехали без сирен, только с включенными мигалками. Проблески красных и синих огней под хромированными решетками радиаторов Субурбанов. Машины жались к обочине, блок-посты Национальной гвардии пропускали без досмотра.

Они проезжали небольшие городки, которые и есть Америка... несколько тысяч жителей, дорога, бары и магазины на основной трассе, идущей через город, дешевое, но не слишком жилье, школа, больница. Кое-где они видели спущенные или декорированные черными лентами американские флаги...

*О, скажи, видишь ты в первых солнца лучах
Что средь битвы мы чли на вечерней зарнице?
В синем с россыпью звёзд полосатый наш флаг
Красно-белым огнём с баррикад вновь явится.
Ночью сполох ракет на него бросал свет -
Это подлым врагам был наш гордый ответ.
Неужели, скажи, он теперь навсегда
Где свободных оплот и где храбрых страна?
Там, в туманной тиши, на чужом берегу,
Где надменный наш враг от атак отдыхает,
Что над фортот, как нам, также видно ему -
На ветру колыхнётся и вновь пропадает?
Золотистый восход ему блеск придаёт
В полной славе его свежий бриз развернёт.
Это звёздный наш флаг! И он будет всегда
Там, где дом храбрецов, где свободных страна....*

...

Баррет думал об Америке. О том, что с ними стало, к чему они пришли. Почему они больше не могут побеждать...

Работая в Грузии – он начал лучше понимать русских. То как они действовали. То как им удалось победить всех своих врагов... ведь если так подумать, русские не были так уж сильны, но ужасная репутация, завоеванная ими в сотнях лет войн и походов – заставляла самых отважных и дерзких держаться подальше от этой страны.

Русские не пытались искать какой-то морали в войне и

не следовали в ней никаким моральным нормам. Враг для них был враг, и грузины перевели для него русскую максиму войны – если враг не сдается, его уничтожают. Русские не пытались договариваться, они не пытались переделать врага. Либо враг сдавался, либо русские обрушивались на него всей своей мощью и уничтожали.

Обратной стороной было то, что русские, если побеждали в войне – а они почти всегда побеждали – довольно легко прощали своего бывшего врага. Война для них заканчивалась резко, они не страдали фрустрациями. Германия – в двадцатом веке дважды нападала на Россию, последний раз Россия потеряла в войне двадцать пять миллионов человек – немыслимая для Нового света цифра. Тем поразительнее был тот факт, что Германия сейчас была главным торговым и экономическим партнером России, и если немцы приезжали в Россию – их никто не преследовал и даже не вспоминал ту войну. Еще при Брежневе, когда были живы оставшиеся в живых фронтовики – СССР торговал с Германией и тянул туда трубопровод чтобы продавать газ и нефть. Немецкие канцлеры еще до времен Горбачева часто ездили в Москву и встречали там дружбу и взаимопонимание.

Американцы же не умели ни воевать, ни прощать.

Вступая в войну, американцы сначала долго думали, а стоит ли, пытались избежать неизбежного. Как во Вьетнаме – эскалация там была вызвана нарастающим сопротивлением – сначала американцев во Вьетнаме было несколько сотен, по-

том несколько тысяч, потом несколько десятков тысяч, потом несколько сотен тысяч. Потом они проиграли. Что поразительно – американцы не попытались ударить по Ханюю, захватить весь Вьетнам – русские несомненно это сделали бы.

Потом они пытались разделить людей в стране, с которой они воюют на хороших и плохих. Американцы страдали какой-то странной иллюзией – того что в стране, в которую они пришли, обязательно будет существовать местная группа поддержки – то есть люди, которые буду искренне хотеть того чтобы американцы были в их стране и устраивали тут их жизнь по своим законам. Им как то в голову не приходило, что местные либо просто пользуются ими, либо считают их оккупантами и ненавидят даже если улыбаются. Вот потому и получается, что через несколько лет им приходится убираться, потратив чертову уйму денег, потеряв сотни, если не тысячи парней и так ничего и не добившись. Тот же Афганистан – помилуй Бог, почему они решили, что эти люди тысячу лет жили именно так, а теперь будут жить как то иначе?

29 сентября 202... г. США Нью-Йорк

... Уж сколько их упало в бездну,
Разверстую в дали!

М.Цветаева

Что есть жизнь? И какой она должна быть – жизнь?
Что есть правда?

Этот тип, Адам Фротман – здесь он был никому не нужен, а там ему нашли и жену и детей. И он нашел то, за что можно умереть. И умер, унеся с собой на тот свет двадцать тысяч человек.

Но он умер – а как теперь жить им? С тем, что произошло. С тем, что он сделал. Как им жить, обычным американским гражданам, зная, что всё, что они строили, всё, что они покупали – все эти дома с задним двориком с бассейном, эти машины, купленные в лиз, – всё это может в один момент стать ядерным пеплом. Просто потому, что какой-то ненормальный маньяк вызвался погибнуть самому, но унести на тот свет как можно больше людей с собой.

Он, наконец-то вспомнил, каким оно было – то утро, тот сентябрь, тот год. Сначала все думали, что это несчастный случай. Чудовищный несчастный случай. Потом, когда вто-

рой самолет таранил вторую башню – стало понятно, что это не несчастный случай.

Потом были ярость, обида, боль – но вот осознания так и не получилось. Они так и не поняли, что подвигло два десятка молодых людей отказаться от своих жизней только ради того, чтобы убить как можно больше других людей. Доказательство того, что они не поняли – то дерьмо, в котором они увязли по уши и продолжают вязнуть.

И есть еще одно обстоятельство, которое многие как то не замечают. 9/11 – это конец индивидуальной свободы в Америке. С тех пор стало можно многое из того, что раньше было нельзя. Стало можно хватать людей и держать их в тюрьме без предъявления обвинений сколь угодно долго. Выписывать ордера на слежку за неназываемыми лицами. Прослушивать телефоны и просматривать электронную почту совсем без ордера. То, что раньше с возмущением было бы отвергнуто – сейчас проходило на ура.

Работая в Грузии, он ради того, чтобы иметь хоть какое-то хобби, внезапно заинтересовался изучением сталинизма. Казалось просто невероятным, что вот эта маленькая и небогатая республика породила на свет одного из величайших диктаторов в истории. Как ему, не русскому по происхождению, удалось захватить и удерживать власть в России? Что это значило? Как выходец из небольшого горного народа, не имевшего даже прочной традиции собственной государственности – удалось построить одну из самых страшных

тоталитарных политических машин в истории человечества?

Ему вдруг вспомнилась история, о которой он слышал в Тбилиси, когда возглавлял там станцию. Группа немецких ученых, получив грант на исследования тоталитаризма – приехала в Грузию, чтобы провести исследования на местности. Их встретили местные ученые, они образовали совместную группу... Но когда выяснилось, что, по крайней мере, часть политических репрессий была основана не на классовой, а на национальной основе, что грузины, скорее всего, виновны в использовании сталинской тоталитарной машины для подавления и уничтожения малых народов, живущих на своей территории – грузины взбунтовались и потребовали не публиковать книгу, которую немцы писали по результатам исследования. Когда же выяснилось, что книга все же будет опубликована и немцы отказались убирать из нее информацию, представлявшую грузин, как народ, в невыгодном свете, не только как жертв, но и как жестоких палачей... Короче, живущие во вполне демократической Грузии ученые, исследователи тоталитаризма и ярые противники коммунизма – написали донос в местное МВД с требованием покарать немцев и выдворить их из страны¹².

О чем эта история? Она о том, что в тоталитаризме виновен не один только Сталин или Гитлер, своя доля вины есть у всех, и в каждом из нас сидят семена этого зла. Воцарение диктатора происходит с молчаливого согласия большинства

---

¹² Это реально случившаяся история

– а многие из этого большинства еще и принимают правила игры, убеждая себя, что так будет лучше. От каких прав мы намерены отказаться на этот раз? Поставить в каждом жилом помещении подслушивающее устройство? Обязательное ношение мобильного? Интернет по специальной личной карте допуска?

А ведь будет...

Их «Субурбан» медленно продвигался в потоке машин – впереди был блокпост.

Огромные ворота, футов тридцать, перекрывающие все полосы. Наспех поставленная досмотровая вышка. Страйкеры национальной гвардии и солдаты. Быстровозводимые укрепления и ствол пулемета в бойнице.

Они уже отказались от самого главного права. От права жить в своей стране. Если ты едешь по дороге, и на тебя из бойницы смотрит пулемет – ты не в своей стране.

А в оккупированной.

...

По адресу, который дал ребе, тоже жили евреи. Это был специальный район Нью-Йорка, там даже балконы были выстроены так, чтобы над каждым из них был кусочек неба. Это потому, что евреи празднуют праздник, в который они какое-то время должны спать на улице, под открытым небом. Вот им и нужен такой балкон.

Место это было ничуть не приветливей для гоев – но девушку по IP-адресу они нашли. Правда, нашли и ее родите-

лей, и те заявили, что их дочь ни слова не скажет без семейного адвоката. Пришлось ждать адвоката...

...

– Сара. Тебя ведь так зовут, да?

Девушка неуверенно кивнула, было видно, что родители и адвокат стесняют ее.

– Сара, мы не думаем, что ты в чем-то виновата. Расскажи нам про Адама. Каким он был?

...

– Если ты думаешь, что должна сказать что-то, что было бы правильно – не думай так. Скажи, как было на самом деле. Он был добрым?

Девушка кивнула.

– Компанейским?

Отрицательное покачивание головой.

– Вы ходили в какие-то публичные места?

Кивок.

– У него было много денег? Кто из вас платил? Может, у него в какой-то момент появилось много денег?

– Да нет. Ну, то есть он из приличной семьи был, я это знала, но денег у него было немного... не больше чем у других. Каждый платил за себя.

– Чем он увлекался? У него было хобби?

– Да нет... он учился... ну, в общем, я не знаю.

– Какую музыку он любил?

– Разную.

– Он никогда не просил поставить какую-то особенную музыку? Никогда не искал какой-то диск или запись?

– Да... нет.

– Сара, ты знала, что Адам был мусульманином? Смелее, ты не обязана была никому об этом говорить. Если кто-то говорит, что он принял ислам, это не повод звонить в полицию. Но – ты знала?

Девушка кивнула.

– Он тебе сказал, или ты сама узнала? Когда это произошло? В каком году?

Адвокат насторожился, но ничего не сказал.

– Он... сам сказал.

– Когда это произошло, Сара? Расскажешь нам? Как это было?

– Он... – девушка посмотрела на родителей, и вдруг заговорила намного быстрее. – Он сказал, что его тошнит от лицемерия. Он сказал, что евреи, поддерживая то, что США делают в Ираке и в Афганистане с мусульманами – из жертв становятся преступниками. Что американские солдаты – фашисты и ничем не отличаются от тех солдат СС, которые жгли евреев в печах.

– Сара... – сказал отец девушки.

– Минутку, сэр. Что он еще сказал?

– Он сказал, что принял ислам, потому что это религия правды. Это было в 2009.

Здорово. Шестнадцать лет он ждал как фугас на дороге.

– Он с тобой говорил когда-нибудь еще об этом? Вы переписывались?

Девушка не ответила.

– Ты знала, что он собирается ехать в Сирию?

– Да.

– И что ты ему сказала?

– Я сказала, что... что боюсь за него.

– А он что ответил?

– Что он должен.

Сотрудники ЦРУ и ФБР переглянулись.

– Сара, он поддерживал с тобой связь оттуда?

– Он писал... иногда.

В деле были распечатки, но этих записей не было. Значит, они успели раскопать о Фротмане далеко не все.

– Сара, мы можем посмотреть эти записи? – сказал Баррет как можно мягче.

– Сара, ты не должна им показывать... – сказал адвокат.

– Да, можете, – ответила девушка, – я сейчас принесу

Девушка вышла из комнаты и вернулась с планшетом. Набрала пароль.

– Вот. Он ничего такого не писал. Просто писал о том, как там красиво, присылал фотки...

– Можно?

Баррет взял планшет, начал мельком просматривать. Он был достаточно опытен, чтобы понять – на снимках Ракка, столица Исламского государства. В снимках не было ничего

такого – группы людей, улицы, здания. Некоторые люди с оружием.

– Сара, ты знала, что там он был женат? Что у него родился ребенок?

Девушка опустила голову.

– Да.

– И что ты ему сказала на это?

– Пожелала счастья.

Баррет просматривал записи, потом передал гаджет Алисе – у нее было специальное приспособление в телефоне, позволяющее дистанционно выкачать любой носитель информации. Ничего противозаконного в переписке он не увидел.

– Здесь нет ничего противозаконного, – сказал он больше для адвоката. – Сара, ты знала, как звали жену Адама?

– Он называл ее Мариам. Говорил, что счастлив.

– Он посылал тебе ее фото?

– Нет.

Здорово...

– Когда он решил вернуться – он написал тебе?

– Да.

– Что же он написал?

– Что разочаровался. Что хочет вернуться.

Баррет и Алиса снова переглянулись. Все это – с учетом того, что разочарование оказалось жестокой и гибельной ложью, – слишком не походило на еврейского вахлака из пригородов. Скорее тут была видна рука опытного, циничного и

жестокоего манипулятора, – но люди просто так не становятся таковыми.

Если только не попадают под влияние кого-то.

– Послушай, Сара – мягко сказал Баррет – ты никогда не слышала от Адама о том, что у него появился новый друг? Что он кем-то восхищается? Говорит, что такой-то – сильный, смелый, он знает что делать. Подумай, хорошенько.

Тикали часы.

– Он говорил...

Баррет улыбнулся.

– Ну, смелее.

– Он говорил... я не знаю. Это было еще до отъезда. Он говорил... о чеченцах.

Баррет насторожился.

– Чеченцах? Ты уверена?

– Да, чеченцах. Он восхищался ими. Говорил, что им в одиночку удалось выстоять под ударом российской армии. Что все мусульмане должны быть такими, как эти чеченцы.

– Он называл какие-то имена?

– Он называл... но я не помню, сложные русские имена.

Я не помню.

– Хорошо, хорошо. Он не говорил, что познакомился с чеченцем?

– Нет.

– Но вскоре после того, как он заговорил о чеченцах, он решил уехать?

Девушка смотрела в пол.

– Да, так и было.

– Может, достаточно? – вмешался адвокат

– Еще один вопрос и всё. Адам говорил о намерении отомстить кому-то или чему-то? О намерении сделать что-то плохое?

– На этот вопрос, – адвокат резко отмахнул рукой, – ответа не ждите.

Баррет поднялся на ноги.

– Он и не нужен. Благодарим за сотрудничество.

...

На выходе из здания – уже стояли полицейские. Баррет поймал взгляд Алисы, кивнул ей – отойдем.

Они отошли. Переулок, несмотря на довольно видную захламленность всего района – чистый. И – невидимая, отравляющая всё радиация страха. Полицейские машины, национальная гвардия, далекий стрекот вертолета в небе. Это был Нью-Йорк. Нью-Йорк после ядерной атаки на страну...

– Как думаешь, что они найдут?

Алиса порылась в небольшой сумочке, и достала пачку сигарет. Он поднес прикурить .

– Обычный набор. Смерть евреям, смерть американцам. Все с этого начинают. Тебе любопытно, ты начинаешь ходить в мечеть. Потом – в какой-то момент к тебе подходит человек, который рассказывает о бедных пакистанских детях, предлагает поехать в бесплатный хадж, или учителем на

Ближний Восток. Это как америкорпус для джихадистов.

– Вот-вот.

Алиса посмотрела на него.

– Что ты хотел?

– Для начала – что у ФБР есть на этого типа?

– Мы все передали.

– Брось.

– А ты думаешь, мы будем что-то скрывать? Когда одна ошибка и нас всех закопают?

Баррет кивнул – он думал так же. Но это не отменяло того простого факта, что есть чужая задница и есть своя. Свою никто не подставит – а вот желающих подставить чужую...

– Как вы его взяли? По наводке или?

– Был объединенный список. Конечно, это не афишировалось, но все, кто отправился туда помогать – попадали в список повышенной опасности.

– А почему он вернулся?

– Потому что русские разбомбили их нахрен.

– Мог бы остаться там?

– Нет... им двигала идея, а идее нужна определенная чистота. Он был из тех, кто не приемлет полутонов.

– Думаешь, он хоть немного раскаялся тогда или это было задумано с самого начала.

– Хочешь честно? – сказала Алиса, выпуская дым и смотря куда-то вверх.

– Ну?

– Мне нравятся русские. И то, что они там делают. Они побеждают. И заслуженно. А мы проигрываем раз за разом, и тоже заслуженно. Потому что они сильнее нас. Для них враг есть враг. Если враг не сдается, его уничтожают. Они посылают спецназ, они бомбят, они не останавливаются ни перед чем. Даже перед полномасштабной войной против половины мира. И враг это знает. Свяжешься с Путиным – и тебе конец. А мы? Ах, эти милые люди, они восстали против кровавого режима Асада. И ничего, что эти же самые люди от радости танцевали на улицах, когда у нас было одиннадцатое сентября. Но они такие мужественные, у них есть белые каски, они помогают людям, пострадавшим от обстрелов – и мы должны им помочь. И ничего, что они уже знают, как манипулировать нами. Как только мы говорим, что применение химического оружия красная черта, так оно и происходит. Кому это надо – Асаду, чтобы его разбомбили? Или этим бородами, которые хотят, чтобы Америка дала им свободу – а уж они используют ее, чтобы убивать нас, неверных. В твоём вопросе нет смысла, раскаялся он или нет. Русские никогда бы его не задали. Потому что они побеждают. А мы нет.

– Как ты попала в ФБР? – спросил Баррет, прикуривая. Он курил время от времени, только когда нервничал, но пачку и зажигалку носил всегда – для установления контактов. В помещениях теперь нельзя... в Лэнгли даже установили кое-где датчики, реагирующие на дым.

– Какая тебе разница?

– Большая. Мы все в одной большой заднице. И вопрос, кто готов из нее выбираться по трупам других, а кто – нет.

Алиса усмехнулась.

– Я тебя не подставлю.

– Про тебя много говорят.

– Плевать. Я тебя не подставлю.

30 сентября 202... г. США Нью-Йорк. Федерал-плаза.

– Собрать бомбу из радиоактивных отходов? Это исключено.

От Министерства энергетики в TF800 было несколько человек – а именно это ведомство в США занимается всеми вопросами, связанными с делящимися материалами. С ними говорил Говард Радзакис – невысокий, рыжий, всклокоченный, похожий на воробья. Типичный ученый.

– Вы уверены? Этот парень мечтал побывать в Чернобыле, его семья происходит из Чернобыля.

Говард скептически усмехнулся.

– Все что он мог там сделать – схватить дозу.

– Дозу?

– Дозу радиации.

– Но в Чернобыле произошел ядерный взрыв. Могли остаться какие-то материалы.

– В Чернобыле произошел тепловой взрыв. Вы понимаете разницу между ядерным и тепловым взрывом? Ядерный взрыв – результат запуска самопроизвольной реакции деления. Урана или плутония. При этом высвобождается огромное количество энергии. Тепловой взрыв... реактор, в сущности, похож на большой кипятильник. За счет управляемой

реакции выделяется огромное количество тепла, оно нагревает воду и превращает ее в пар, который крутит турбины – а те в свою очередь вырабатывают электричество. Операторам остается только ускорять или замедлять реакцию время от времени, следя, чтобы все происходило равномерно. Сказать, что сделали русские в Чернобыле?

...

– Они проводили эксперименты. На работающем реакторе. Сначала сократили его мощность до минимума, потом испугались и начали поднимать. Теми методами, которые строжайше запрещены их же собственными инструкциями. В результате они не справились, когда реактор начал неуправляемо разгоняться. Все вскипело, а потом взорвалось как чайник, разбросав по огромной территории радиоактивные вещества, а радиоактивный дым и пар поднялись в воздух. Но там нечему было взрываться, взрыва не было. Просто чайник вскипел – и бах!

Баррета передернуло.

– И?

– Я же говорю, взрываться там было нечему. А значит, там не было и материалов для изготовления бомбы. И не могло быть. Ядерное топливо не может быть использовано при производстве бомбы – иначе бы реактор взрывался, стоило бы в него загрузить топливо. Но этого же не происходит, верно?

– Но... если взять ядерные отходы...

– ... то можно сделать грязную бомбу. Но не ядерную.

Просто взять фoniaщий хлам, обложить его взрывчаткой в расчете на то, что при подрыве все разбросает и будет фonia. Но не более того. Цепная реакция не начнется.

Баррет начал понимать.

– Бомбу можно сделать, имея, скажем... обогащенный уран?

– Нет. Вы что, думаете это самое сложное – найти ядерные материалы? Чтобы сделать атомную бомбу, нужно обжать имеющееся вещество в идеальный шар, потом обложить специальной сверхчистой взрывчаткой со всех сторон, со взрывателями, которые должны сработать с точностью до одной в двенадцатой степени. Вы понимаете? Для этого нужны станки. Они есть у нас, у НАСА, в некоторых компьютерных компаниях. Станки, умеющие обрабатывать поверхность с такой точностью, что если взять одну металлическую пластину и приложить к другой, они прилипнут. Сверхчистая взрывчатка. Она есть только у нас. У русских. Еще в паре стран. Детонаторы. Изготовить их не проще чем космический корабль.

– То есть вы хотите сказать, что в гараже атомную бомбу даже при наличии всех исходных компонентов собрать невозможно?

– Именно! Это целая индустрия! В ней заняты десятки тысяч людей. В одиночку это исключено. Только готовое изделие.

– Как думаете, чье?

– Это могло быть советское изделие, которое было укра-

дено скажем... году в девяносто пятом? – перебила Кристин

– Еще одна история. Средний срок жизни заряда от пятнадцати до двадцати пяти лет, причем ему нужно регулярное дорогостоящее обслуживание. История о том, как кто-то нашел много десятков лет назад забытый заряд – хороша для детективов. Знаете, что произойдет, если попытаться взорвать просроченный или не обслуживавшийся заряд? Произойдет неполная реакция. На нашем сленге – пшик. Мощность взрыва будет зависеть от того, сколько циклов деления пропущено. От нескольких килотонн до нескольких тонн. Он может и просто не начать деление – радиоактивный материал разбросает по округе взрывом. Наш же заряд взорвался, похоже, полно и правильно. Как и было заложено в его конструкцию.

– Как думаете, чей он? – спросил Баррет.

– Исследования покажут. Но я бы ставил на Пакистан. Похоже на их стандартный заряд. У них на сегодняшний день может быть от трехсот до пятисот зарядов различных типов – плюс у них не одна организация, занимающаяся ядерным оружием, а целых две. Их то и дело ловили за руку – то в Сирии, то в Ираке, то в Северной Корее. Ничуть не удивлюсь, если узнаю, что они продали кому-то заряд или его у них выкрали, а они промолчали.

...

В конце рабочего дня Баррет решил заехать на кольцевую. Почти сразу, он заметил, что за ним следят.

Не подставишь, говоришь? Ну-ну...

В том, кто следит, он почти не сомневался – контрразведка ФБР. Еще одна компашка парней, которым делать нечего и они ищут себе любое подходящее занятие за госсчет.

Телефона у него с собой не было, только служебный пейджер, по которому нельзя определить, где находится абонент, но он решил оставить и его. Мысленно прорепетировал путь ухода... нет, все же какие козлы. Нет никаких сомнений в том, что ФБР будет пытаться накопать побольше грязи на ЦРУ, чтобы повесить все на них...

Машина на хвосте сменилась – теперь это синяя «Максима».

Интересно, что будет, когда установят источник заряда? Это самая взрывоопасная тема – если верить тому, что он только что услышал, за ядерным зарядом может стоять только государство. Пакистан? Ну и что с ним делать – требовать разоружаться? Перед лицом Индии, у которой тоже есть ядерное оружие и намного больше? Требовать того же и от Индии?

А если Россия? Санкции против них уже ввели – все, какие только возможны. Требовать, чтобы Путин ушел? Или сразу готовиться к войне, когда таких зарядов с неба полетят десятки и сотни.

Требовать возместить ущерб? Отнять у России ее деньги, которые она заработала на торговле нефтью и газом? И чем всё это кончится?

А если Северная Корея? Или Иран? С ними что делать? Что, если у них уже есть ядерное оружие?

Ага, вот...

Он резко, нарушая правила, свернул с трассы – впереди была бетонная громада торгового центра, держащегося на последнем издыхании. Джефф Безос прикончил их – как когда-то Уоллмарт Сэма Уолтона прикончил все те старые лавочки мясников и молочников. Теперь люди заказывали товары по сайту в интернете, после чего их доставляла почта, а кое-где уже и дроны.

Интересно только... в каждом таком вот месте огромный торговый центр был центром активности всей общины, всего комьюнити. Тут были аптеки, тут можно было сделать прививку, тут свою первую работу получали подростки, а старики ходили сюда заниматься спортом. После того, как все это закроется под давлением Амазона – что останется?

Баррет одёрнул себя— не время и не место. Надо избавиться от хвоста.

Он припарковал машину на стоянке – была заполнена от силы десятая часть парковочных мест – люди боялись, кто-то до сих пор был в шоке. Быстрым шагом прошел в торговый центр, по пути заметив в витрине, как за ним торопятся двое из машины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.